

The image features a stylized profile of a woman's face on the left side, drawn with a thick black outline. The interior of the face is filled with a light beige color. Below the chin, a large, stylized black letter 'F' is drawn, extending downwards. The background is a light gray gradient.

Ольга Аникина
**НАЗОВИ МЕНЯ
ПО ИМЕНИ**

Ольга Аникина

Назови меня по имени

«Издательство К.Тублина»

2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6

Аникина О.

Назови меня по имени / О. Аникина — «Издательство
К.Тублина», 2022

ISBN 978-5-6045409-8-5

Это история о том, что должно случиться, чтобы послушная и тихая девочка выросла в натуру страстную и бунтарскую, способную ради обретения чувства внутренней справедливости и сохранения собственного «я» разорвать даже самые крепкие семейные связи, уехать в другой город и начать новую жизнь. История о трудностях, с которыми сталкивается одарённый ученик, попавший в обычный школьный коллектив. Повествование о зависти, противостоянии, внутренней силе и о том, почему тонкий, умный и свободолюбивый человек, всю жизнь старавшийся поступать по совести, начинает нарушать собственные правила и становится жертвой абьюза. Ольга Аникина – поэт, прозаик, переводчик, эссеист. Кандидат медицинских наук, работает врачом с 1999 года по сегодняшний день. Дипломант (2015) и лауреат (2022) премии им. Н. В. Гоголя в номинации «Вий». Лауреат (2021) Волошинского конкурса.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-6045409-8-5

© Аникина О., 2022
© Издательство К.Тублина, 2022

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	36
Глава 7	44
Глава 8	50
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Ольга Аникина

Назови меня по имени

© О. Аникина, текст, 2022

© ООО «Литературная матрица», 2022

© ООО «Издательство К. Тублина», макет, 2022

© А. Веселов, обложка, 2022

* * *

Часть I

Глава 1

Новый год Маша любила больше, чем остальные праздники, – за его неоспоримость и настоящесть. За то, что им нельзя пренебречь, его нельзя отменить, несмотря ни на какое безденежье, ни на какую усталость. За то, что Новый год похож на кусок пирога, который положен тебе просто потому, что ты живёшь на свете.

Канун Нового две тысячи девятого года был точкой, которая завершала одно повествование и начинала другое – каждый раз снова с середины. Мария Александровна Иртышова, учительница русского языка и литературы в одной из московских школ, однажды дала девятиклассникам задание: написать свой год как небольшую историю без начала и конца, объём работы не более трёх-четырёх страниц. Как раз тогда дети по программе изучали Чехова.

Около семи вечера Маша приехала домой в Королёв. Утром в городе прошёл небольшой снег, он осел на крышах, ветвях деревьев, козырьках подъездов и автобусных остановок, а под вечер превратился в тонкую, плотную корку.

Пока Маша доставала из багажника пакеты с покупками, её пальцы задеревенели от холода. Она легкомысленно ходила без перчаток, потому что в последний рабочий день попросту забыла их – тёплые, почти новые, тёмно-черешневого цвета! – на полочке в гардеробе для учителей. Маша никогда не покупала себе синтетическую дешёвку, и поэтому выход оставался один: пережить морозы, дождаться третьего января и забрать любимую вещь с работы. Как раз третьего января директриса поставила ей дежурство во время школьных каникул.

Тяжёлые пакеты из супермаркета опустились на лавочку возле детской площадки, и по пальцам пробежали острые, холодные огоньки. Маша подышала на ладони, спрятала руки в карманы и осмотрелась. В морозном движении воздуха звенела тревожная, неустойчивая нотка, она мерещилась Маше то там, то тут, поплёскивала и не находила себе места в тёмно-лиловой пустоте, перечёркнутой проводами.

Очень давно, когда Маша была ещё маленькой девочкой, её бабушка говорила, что в новогоднюю ночь всегда холодает. Когда Маша спрашивала, кто установил этот закон, бабушка отвечала, что уж точно не Академия наук. Нет, Нина Александровна не верила в предрассудки, этого ей не позволял статус жены академика Иртышова, Машиного знаменитого деда. Но кроме закона здравого смысла, бабушка втихаря признавала ещё и другие устои, правила и ритуалы.

Например, бабушка любила повторять: не забывай про ножницы. Смысл был в том, что чем чаще человек приходит в свой сад с ножницами, тем красивее в этом саду вырастают цветы. Глубокой осенью на даче бабушка брала маленькую Машу в помощницы, когда наступала пора обрезать её любимые розы. В мае пожилая женщина с внучкой тоже выходили в сад с секаторами – срезать сиреневые ветки.

Зимой ухаживали за геранями. Пузатые керамические горшки, как пациенты в очереди, стояли на широком кухонном подоконнике, а Нина Александровна, низко склонившись к пахучим цветочным розеткам, подслеповатыми глазами сосредоточенно выискивала в них старые, отцветшие венчики. Бабушкины руки, тёмные, покрытые причудливыми коричневыми пятнами, касались развернутых к солнцу листьев. Узловатые пальцы нащупывали сухой стебель, а клюв старых портновских ножниц с асимметричными кольцами опускался, чтобы ткнуться точно в то место, откуда большой лист брал начало.

Труднее всего приходилось растениям уже немолодым; у них бабушка отсекала не один большой черешок, а сразу несколько. Маша удивлялась, откуда герани берут силы, чтобы вос-

становиться и зацвести снова. Нина Александровна отвечала, что всё самое важное скрыто от глаз садовника. «Корни всё помнят, – говорила бабушка, – корни вытянут». И Маша верила ей.

От срезанных листьев по воздуху плыли горьковатые волны, запах походил на смесь ароматов вянущей розы, мокрой осенней мяты и земли, растёртой между пальцами. Алька, старшая сестра, терпеть его не могла, а Маше от гераневых выдыхов делалось сначала грустно, а потом спокойно. И именно в такие минуты ей казалось, что всё идёт так, как надо.

Это был лучший способ пережить любую досаду или неудачу – вспомнить о ножницах и бабушкиных цветах.

Маша поднялась на седьмой этаж и, только выйдя из лифта, сообразила, что могла бы не оттягивать себе руки тяжёлыми пакетами, а позвонить по мобильному и вызвать во двор сына Петьку, чтоб тот донёс продукты до квартиры.

Не было никаких сомнений: весь вечер Петька просидел перед телевизором.

Маша прошла в прихожую и со стуком опустила покупки на пол. В квартире подозрительно пахло какой-то гарью.

– Эй! Снова обед спалил?

– Ничего я не спалил, – из комнаты раздался ломкий подростковый басок.

Она ненадолго задержалась в коридоре, чтобы поправить рамку картины, которая висела в простенке между большой комнатой и детской. Это была абстракция: тонкие, угольного цвета перила и малиновый вихрь, расколовший лестницу надвое. Автор композиции, Машин выпускник, назвал картину «Бык бежит по лестнице». Маша прикоснулась к раме и выровняла горизонталь. Стряхнула с пальцев следы пыли. Самое время заняться уборкой, подумала она.

В комнате вовсю работал телевизор – прямоугольная плазменная панель.

– Это же Джеймс Бонд! – Петька увлечённо следил за мельканием лиц на экране.

– А матери помочь?

В доме у них существовало правило, которое никогда не обсуждалось: забирать сумки у того, кто пришёл из магазина, и помогать их разгружать. Вытесненный из комнаты Петька нехотя сполз со своего кресла и поплёлся в коридор.

Маша подошла к окну, чтобы задёрнуть шторы. На подоконнике, за портьерой, лежала чудесная авторская кукла по имени Маруся. Куклу в зелёной пышной юбке и джинсовой курточке сделала Ирка, Машина подруга, профессиональный мастер. У куклы были короткие светлые волосы и карие глаза, слегка зауженные к вискам; подруга лепила это лицо с самой Маши.

Раньше Маруся сидела в креслице на специальной полочке, возле Машиного письменного стола, но во время подготовки к Новому году её уронил Петька, когда втаскивал в комнату новогоднюю ёлку. Кукла с грохотом рухнула на пол, и у игрушечного кресла отломалась подставка. Подставку залили суперклеем, и теперь Маруся, заняв половину подоконника, покорно ждала из ремонта мебель, без которой она умела только беспомощно лежать на боку.

На деревянной крестовине рядом с батареей стояло рождественское дерево, причина самого серьёзного стресса в Марусиной игрушечной жизни. Подрубленная зелёная верхушка упиралась в верхний правый угол комнаты – Петька не слишком-то старался установить ёлку вертикально. Игрушек на ветках было маловато, зато роскошная десятиметровая китайская гирлянда оплетала ствол от пола до самого потолка, и на ветках танцевали синие, жёлтые и красные огоньки.

Маша давно уже не пыталась сравнивать праздник, который она устраивает для сына, с теми новогодними радостями, что жили в воспоминаниях о её собственном детстве. Она помнила, как отец приносил в дом ветвистые ели с голубым оттенком хвои; они все были как на подбор симметричными и прекрасно устанавливались на деревянной крестовине. Ни одна из них не кренилась набок.

В детстве они с сестрой украшали ёлку целый день или даже два дня – вечер тридцатого декабря и следующее утро. Мама с бабушкой волоком вытаскивали из кладовки пять или шесть

коробок, где между слоями серой ваты хранились богатства: стеклянные фигурки пожарников, балерин, клоунов. Солдатики в зелёных мундирах и высоких шапках с кокардами. Деды Морозы, обсыпанные шершавой фарфоровой пылью. К еловым веткам с помощью металлических прищепок крепились белые, зелёные и ярко-малиновые стеклянные шишки – а ветки пахли смолой, лесом, солью, пылью и ожиданием, ожиданием...

Маленькая Маша однажды зазевалась, и новогодний шар случайно выскользнул у неё из рук. Это был самый красивый шарик, похожий на одуванчик, покрытый нежным стеклянным пухом. Он ударился о паркет, словно всхлипнул – жалостно и громко, – и мелкими брызгами разлетелся по всей комнате. Маша, оглушённая звоном, открыла рот и застыла в ужасе, а в это время Алька, свидетельница Машиного преступления, уже бежала на кухню докладывать. Не оттого, что хотела наябедничать, а просто сестре казалось – так правильно. Алька всегда знала, что значит – правильно. Маша иногда даже завидовала её непоколебимой убеждённости.

На ёлке, которая стояла в Машиной королёвской квартире, не висело ни одного стеклянного шара. С пластиковыми игрушками было меньше возни, да и стоили они дешевле.

На кухню Маша вошла уже переодетая в домашнее: в полинявшие от множества стирок старые «Левайсы» и чёрную Петькину футболку с мотоциклом, из которой сын давно вырос.

На кухонных стенах висели шкафчики, где хранились разнообразные нужные мелочи, но Маша к своим тридцати четырём годам так и не избавилась от привычки разбрасывать кухонную утварь по окружающим горизонтальным поверхностям. Она любила, чтобы каждый предмет – кастрюлька, ситечко, нож или бокал – всегда лежал под рукой. Маша часто вспоминала свои первые московские годы, когда они с Петькой переезжали из общежития сначала в одну съёмную комнату, потом в другую, имея при себе всего-то: одну кастрюльку с крышкой, одну сковородку, две тарелки, две кружки, нож, половник, две вилки и четыре ложки – столовые и чайные.

– Петька, – Маша достала из холодильника морковь, – ёлка валится набор. Поправь её, чтобы не рухнула.

– Это невозможно по законам физики, – заявил Петька и быстрым движением стянул со стола крекер. – У неё ствол кривой.

– Не кривой, а живой. – Маша включила плиту. – Прямыми бывают только искусственные ёлки.

– Купи на следующий год искусственную. – Петька ухватил ещё один крекер и скрылся из кухни.

Маша покачала головой и принялась мыть овощи. «Ёлка валится набор», сказала она сыну. Если уж быть совсем честной – вовсе не ёлка, а вся её жизнь в течение нескольких последних месяцев постепенно и неотвратно кренилась, качалась и грозила рухнуть в пыль. Хотя, что и говорить, ежедневные Машины попытки что-то поправить, выпрямить и залатать кое-как создавали иллюзию внешнего благополучия – и делалось это главным образом для Петьки. О том, что работа уже давно не приносит никакой радости, сын не имел ни малейшего понятия. Петька, скорее всего, не задумывался и о том, что продукты, стоящие в их холодильнике, – за редким исключением – были хотя и качественными, но дешёвыми, потому что в иные месяцы Маше еле хватало денег, чтобы закрыть очередной взнос по ипотеке. И главное, Петька не знал (да это его и не касалось), как трудно приходится матери с весёлым и дружелюбным «дядей Марком», который изредка приезжал к ним в гости.

Марк Александрович Лакиди, «доцент, журналист и странствующий рыцарь» – так он обычно представлялся при знакомстве, – обещал сегодня приехать в Королёв. Чтобы успеть отпраздновать наступление Нового года, Марк рассчитывал прибыть одной из двух электричек: фрязевская приходила на вокзал в Болшево в 22:20, а монинская – в 22:29.

Пригородные поезда Марк не любил. Каждая поездка по железной дороге оборачивалась для него панической атакой, но в новогоднюю ночь таксисты подняли цены до таких немисли-

мых сумм, что Марк пообещал подруге с честью выдержать испытание. Он собирался заранее выпить успокоительные таблетки.

Маша знала, что её другу таблетки помогают не всегда. Через десять минут вагонной тряски Марк чувствует, как вокруг горла медленно закручивается душный вагонный воздух. Пространство плывёт перед глазами, сворачивается до размеров узкого прохода между сиденьями, и Марку чудится, что вот-вот случится непоправимое – или поезд сойдёт с рельсов, или в голове лопнет какой-нибудь сосуд. Сердце колотится, Марк начинает глубоко и громко дышать. Справа и слева он видит участливых женщин. Сердобольные дамы качают головами и лезут с расспросами; при таком росте и такой яркой внешности, как у Марка, нет никакой возможности спрятаться, сделаться незаметным. Наконец Марк не выдерживает, вскакивает с места и выбегает в тамбур.

В тамбуре он мечется из угла в угол. Поезд тормозит, двери разъезжаются, и желание выбежать наружу становится непреодолимым.

Марк пробегает вдоль платформы до следующих дверей того же поезда и запрыгивает внутрь, когда створки начинают съезжаться. Сидячих мест в вагоне уже нет, и Марк возвращается в тамбур. Стены тамбура трясутся, мужчина прислоняется плечом к одной из них, закрывает глаза и считает: одна тысяча триста тридцать пять, одна тысяча триста тридцать шесть, одна тысяча триста тридцать семь... От Москвы до Болшево – одиннадцать остановок, примерно сорок пять минут дорожного времени.

Маша знала, что Марка нужно встретить на станции, привезти домой и уложить отдыхать. Ему требуется полчаса, чтобы прийти в себя после поездки в пригородной электричке.

Прежде чем сервировать стол, Маша прошлась по полу мокрой тряпкой. В её ленинградском детстве мыть пол с помощью швабры было не принято; за шваброй всегда оставался прилипший к паркету мусор и грязные разводы.

Маша направлялась из ванной в комнату, когда в кармане пальто заверещала телефонная трубка. Потребовалось время, чтобы стянуть резиновые перчатки. Сморщенный от воды палец нажал на зелёную кнопку прежде, чем Маша увидела, кто звонит. Но она и без этого догадалась. Марк, конечно. Кто же ещё.

– Алё. Алё, Мышь? С наступающим тебя!

Маша бросила взгляд на часы, висевшие в коридоре; в эту минуту с Ярославского вокзала отходила электричка на Болшево.

– С наступающим! – Мокрая перчатка шлёпнулась на пол, и Маша присела на корточки, чтобы её подобрать. – Едешь?

Короткая пауза в разговоре высветила отчётливую, пугающую тишину. Такой тишины не бывает в пригородных поездах, пусть даже и перед самым Новым годом.

Маша вернулась в ванную комнату, всё ещё сжимая в руке мокрые резиновые перчатки, холодные и склизкие, как лягушки.

– Не успеваю, – сказал Марк.

– Что?!

Жёлтые лягушки с коротким хлопком ударились о дно раковины.

– Ну... Ты же знаешь... – Голос Марка на секунду пропал и вновь появился. – Лена попросила меня посидеть с Хомяком.

– Марк!

– Её до сих пор нет. Я один тут – сижу с ребёнком.

Лена и Марк всегда жили порознь. По крайней мере, именно так Марк описывал свою семейную жизнь. А Хомяк... Хомяк был Машиным любимцем, в ноябре ему исполнилось четыре года. В свидетельстве о рождении у Хомяка значилось красивое имя Георгий, а своё смешное прозвище малыш получил за пухлые щёки и аппетит, который не пропал у него даже прошлым летом, после перенесённой тяжёлой болезни и операции.

– Марк, собирай ребёнка и выезжай прямо сейчас, – сказала Маша. – Бери машину до Королёва, я заплачу.

У Марка наверняка не было свободных денег на такси. Работал он в нескольких местах: читал лекции на кафедре, проводил семинары, не брезговал и написанием научных работ за деньги. Кроме того, Машин друг вёл еженедельную колонку на модном информационном портале «Столица», где количество его подписчиков увеличивалось с каждым месяцем. Маша не могла понять, как же так выходило, что при таком обилии начинаний зарплата Марка таяла с феерической быстротой, а количество его долгов год от года только росло. Куда, кроме алиментов и оплаты съёмной комнаты, уходили заработки любимого мужчины, оставалось только гадать.

– Мышь, я не могу ехать с маленьким. Тем более в такой холод.

Еле уловимое дребезжание мелькнуло в его интонации и больно царапнуло слух.

– Эта стерва, – жаловался Марк, – делает всё мне назло. Знает, что я не смогу бросить маленького. Что я обязательно приеду и буду сидеть с ним до последнего.

– Поняла.

– Мышь, я буду звонить тебе, хорошо? Будем встречать Новый год по телефону. Позвоню тебе за пять минут до боя курантов, честно – позвоню! И вообще, всё это формальность. Все эти календарные даты. Давай перенесём наш праздник на второе число. Или на третье.

Второго января Маша отвезила Петьку в Шереметьево: на неделю сын летел к отцу в Петербург. Третьего числа с девяти до пяти директриса Нинель Валентиновна поставила Маше дежурство по школе. Школьный устав предписывал дежурства в праздники, и, хотя по закону нельзя было заставить педагогов работать во время каникул, в жизни закон этот не соблюдался вовсе или же поворачивался той стороной, которая была удобна директрисе.

– Мышь, ну так приезжай ко мне сразу после дежурства! Мы с тобой ого-го как зажжём! – утешал Марк расстроенную подругу. – И Хомяка, может, повидашь. Всё мышиное царство будет у меня в сборе!

Марк умел убеждать. Однажды он убедил Машу, что родители выбрали ей неудачное имя. Прозвище Мышь появилось оттого, что однажды, подшучивая над шепетильностью подруги, Марку весьма кстати прилась одна цитата. «Записки из подполья» Марк знал почти наизусть, а кусок про «усиленно сознающую мышь» был одним из его любимых.

Одна резиновая перчатка валялась в раковине, вторая уныло свисала с её с края. В голове промелькнуло: пол можно уже и не домывать.

Курила Маша редко; это было старое школьное баловство, возникло оно из чувства подросткового бунта, тогда ещё вялого и тайного. Курение не переросло в пристрастие, и, бывало, Маша месяцами не притрагивалась к пачке. Она могла, например, выкурить сигаретку в гостях, за компанию с подругой Ирккой. Сказать по правде, пачка лежала в сумочке для таких случаев, как сейчас: чтобы успокоиться, вернуть себе ясность мысли и заставить пространство чуть-чуть сместиться и дрогнуть. Как будто в способности пошатнуть окружающую действительность заключалась некая особая сила.

Маша жила на седьмом этаже кирпичной девятиэтажки, стоявшей в окружении таких же типовых зданий. С балкона как на ладони открывался микрорайон, летом утопавший в зелени, а зимой заваленный снегом: магазинчик, частный сектор, колокольня храма – гулкий храмовый звон время от времени доплывал до Машиных окон. Слева, вдалеке, за крышами домов виднелась железнодорожная нитка, унизанная яркими бусинами поездов; лучше всего её было видно по вечерам.

Над маленькой торговой точкой, расположенной внизу, в тёмное время суток горел уличный фонарь. Здесь даже по ночам местные жители свободно покупали водку, и выпивохи приползали сюда со всего городка. Иногда после полуночи они устраивали пьяные разборки прямо под Машиными окнами.

Несколько затяжек, и окно чуть-чуть съехало в сторону, а потом крепко встало на своё место и больше уже никуда не смещалось. Маша представила себе комнату Марка в Колпачном переулке, увидела спящего на тахте маленького Хомяка... и Лену, жену Марка, сидящую рядом.

Лена жила на улице Воронцово Поле, совсем недалеко от района, где Марк снимал жильё. Маша представила себе, как бывшая жена за пару часов до Нового года приходит в комнату в Колпачном, чтобы забрать сына, а потом по какой-то причине задерживается до полуночи, и вот уже они вдвоём – Лена и Марк – открывают шампанское и слушают бой курантов.

Думать про Марка было нельзя. Пока не кончилась первая сигарета и не затеплилась следующая, Маша усилием воли заставляла мозг переключаться на любые другие вещи, пусть даже на глупости, на откровенную чепуху. Может, в обычный день она повела бы себя по-другому. Пошла бы гулять по городу, позвонила бы Ирке, в конце концов... Но сегодня, в канун Нового года, требовалось пропустить удар и заставить себя веселиться – не хватало ещё испортить праздник Петьке, повторяла она про себя.

Краем глаза она глянула во двор. Фонарь освещал пяточок перед подъездом, и Маша увидела, как дверь внизу открылась, и возле скамейки мелькнула чья-то маленькая фигура в подозрительно знакомой красной куртке. Шапку с шарфом человек, кажется, позабыл дома, а куртку надел кое-как, нараспашку.

– Петька! – крикнула Маша. Голос её прозвучал хрипло. – А ну домой!

Человек внизу поднял голову, и до её слуха донеслось:

– Щас вернусь! Я быстро!

– Кой чёрт тебя на улицу понёс! – надрывалась Маша.

– Петарды! Смотри, щас бабахнет!

– Домой, кому сказала!

– Ну ма-ам...

Но Маша уже знала, как загнать сына обратно в подъезд.

– Ты же обещал, что вместе будем взрывать! Уговор дороже денег!

Глава 2

Петька вернулся недовольный. Сопя, сбросил в коридоре ботинки, поднял голову и на секунду замер, принюхался.

– Ого! Ты курила! – обличил он Машу. – Курила-курила!

– А ты без шапки гулял.

– А курить это хуже, чем без шапки.

Петарды у Петьки были самодельные – алюминиевые опилки, смешанные с сухой марганцовкой. К полиэтиленовому пакету с гремучей смесью Петька привязал несколько длинных спичек. Спичку нужно было быстро поджечь, а пакетик с размаху забросить подальше.

– Шибанёт круче любого китайского салюта, – обещал Петька. – Главное, долго в руках не держать.

Маша скрепя сердце разрешила Петьке устроить фейерверк при одном условии: если сама, лично, будет при этом присутствовать.

Петька не впервые проводил такие эксперименты. Однажды в кастрюлю, где закипала вода для макарон, он бросил литиевую пластинку от пальчиковой батарейки. Вода забулжила, и на плите образовался настоящий гейзер – на какую-то секунду содержимое кастрюли поднялось над ней кипящим столбом.

Удивительно, что Алька, Машина старшая сестра, считала Петьку спокойным ребёнком. Каждый год, отправляя сына в Петербург, Маша тайно предвкушала, что ребёнок наконец хоть что-нибудь взорвёт в квартире отца или тётки – но нет, там он всегда строил из себя паиньку.

Если бы тринадцатилетний Петька тратил поменьше карманных денег на свежую выпечку или доставку пиццы, он выглядел бы стройнее. Но Маша помнила детские фотографии бывшего мужа: в тринадцать тот тоже был похож на медвежонка, а потом вытянулся и превратился в крепко сбитого, высокого мужчину. Чем старше остановился сын, тем сильнее он напоминал Маше её бывшего; даже носы у них были одинаковой формы, даже линия роста волос шла похожей синусоидой, с небольшими заездами по бокам.

Отец Петьки, Андрей Заряднов, жил в Северной столице и владел известной сетью супермаркетов. Человек был он обеспеченный, но сумма алиментов, которые он выплачивал, выглядела весьма скромно. Отец участвовал в жизни сына по-другому: время от времени покупал ему одежду и мебель, брал в летние поездки по Европе. В прошлом году во время зимних каникул отец собирался взять сына в одно такое путешествие, но всю осень Петька сильно кашлял, и Маша никуда его непустила. Заряднов пообещал, что обязательно возьмёт сына в зимнюю поездку на следующий год. И вот этот год наступил. Через два дня Петька летел в Петербург, один, без сопровождающих, – и мальчишка с нетерпением ждал свой первый самостоятельный перелёт.

Чтобы ребёнок не выбежал из дома без головного убора – а такое происходило чуть ли не каждый день, – Маша приготовила ему в подарок охотничью шапку фирмы «Ремингтон», с козырьком и ветрозащитной маской для лица. Маша не дотерпела до праздничного звона курантов и вручила подарок в коридоре, сын не успел даже снять с себя верхнюю одежду. Петька сразу же натянул обновку и стал похож на гангстера. У шапки отстёгивалась маска и тёплая подкладка; Маша специально выбирала такую модель, чтобы её можно было носить и в городе, и на природе.

Второй раз за вечер Машин мобильник зазвонил, когда по телевизору уже говорил президент и поздравлял с Новым годом всю страну. Петька на радостях возвёл на тарелке конусообразную гору салата и напряжённо ждал, когда закончится поздравление и наконец-то пройдёт двенадцать.

Ура, это Марк, подумала Маша, хватая трубку. Конечно он, кто же ещё?

Но это был никакой не Марк.

– Марья Александровна, с наступающим вас.

Звонил Алёша Девятов, Машин ученик, с которым она занималась на дому уже два года. Это он был автором картины «Бык бежит по лестнице», и Маша всегда радовалась его звонкам. Всегда, но не в новогоднюю ночь, за пять минут до боя курантов.

Маша с трубкой в руке медленно опустилась в кресло.

– С наступающим, Алёша. Привет маме и папе.

Скрыть досаду ей не удалось.

Может, именно сейчас Марк набирает мой номер, думала Маша. А эфир случайно захватил подросток! Вряд ли теперь кто-нибудь сможет дозвониться по этой линии.

– Счастья вам и успехов во всём.

– Спасибо, и тебе.

На том конце всё никак не давали отбой. Петька пытался самостоятельно открыть детское шампанское. Дело пахивало ещё одним взрывом.

– До свидания, Алёша. Третьего числа созвонимся.

Она вовремя положила трубку: президент уже заканчивал своё поздравление.

Марк, набери меня, мысленно повторяла Маша – повторяла уже в десятый, в двадцатый, в сотый раз.

Набери меня прямо сейчас. И назови по имени. И поздравь с Новым годом. Самыми простыми словами.

– Мам, где спички? – Петька подпрыгнул на стуле. – Я кое-что вспомнил.

– Спички? – Машины мысли были всё ещё далеко.

– Написать желание на бумажке. Потом быстро-быстро поджечь эту бумажку, а пепел выпить. – Петькины глаза сияли в ожидании новой игры.

– Давай сюда бокал, поджигатель. – Маша снова, уже который раз за сегодняшний вечер, собралась с силами и вернула себя в реальность. – Не выдумывай. Загадывай уже как есть.

Кремлёвские куранты отбивали первые удары, а Маша пыталась втиснуть в двенадцать секунд все свои желания. В этом году ей нужно было затянуть себя в крепкий узел, найти научного руководителя и наконец-то начать писать диссертацию. Наследница знаменитого деда, академика Иртышова, обязана была рано или поздно получить учёную степень.

Хорошо было бы загадать ещё, чтобы каким-нибудь чудесным образом в этом году удалось погасить долг по ипотеке. И последнее, главное желание: Марк. Самое простое – загадать, чтобы он наконец позвонил. Но Маша решила не размениваться по мелочам. Пусть Марк... Что? Что бы такое попросить у курантов, чтобы Марку это было по силам? Пусть он подарит ей кольцо? Переедет к ней жить? Или хотя бы приезжает в гости каждую субботу? Каждое желание требовало соблюдения множества условий, а продумать их до конца у Маши не было времени.

– Ура-а-а! – крикнул Петька. – Где бенгальские огни?

Тихо подрагивали стёкла окон, стены и даже дверца платяного шкафа – вещи Машиной квартиры отражали последний удар ушедшего года. С экрана телевизора уже звучал гимн России. Петька знал слова нового гимна, он учил их в школе, а Маша не знала, она помнила только тот вариант, где говорилось про «союз нерушимый» и про «партию Ленина».

Она залпом выпила вино и положила в рот виноградину, которая после кислого шампанского показалась ей слишком сладкой.

– С Новым годом, Петька.

Сын пил уже третий бокал лимонада и заедал салатами, их количество таяло на глазах. Шапка всё ещё красовалась у него на голове.

Под нижними ветками ёлки лежал свёрток из жёлто-коричневой крафтовой бумаги, пережжённый декоративной верёвочкой. Это был подарок для Марка, книжка стихов одного извест-

ного поэта Серебряного века 1912 года выпуска, тираж 300 экземпляров. Не репринт, а настоящая, потрёпанная, с коричневым пятнышком на обложке. Рядом с Марком Маша становилась настоящей транжирой, но как тут устоять, когда прекрасное издание само идёт к тебе в руки? Переминаясь с ноги на ногу в букинистическом магазине, она мысленно пересчитывала свободные деньги, плюсовала к ним сумму, только что полученную после занятия с учеником. Пыталась свести концы с концами, придумывала, на чём бы сэкономить: на парикмахерской? На бензине? Не платить в этом месяце за электричество, а в следующем заплатить сразу за два? Пасьянс в Машинной голове никак не сходился, внутренний голос говорил ей, что нужно скорее ставить книгу на полку и уносить ноги из магазина, где полно соблазнов, но как-то само собой – «Эх-х!» – решение было принято, книга куплена, а финансовые расклады разметались во все стороны, чтобы никогда не сойтись.

– Петька, а поехали кататься по ночной Москве? – вдруг предложила Маша.

– Э-э-э?... – Глаза у Петьки расширились. – Ты же только что шампанское пила! Целых два бокала!

– Будем считать, это детское шампанское! – Маша потрепала сына по волосам. – Быстро одевайся, чего сидишь? Новый год на дворе.

Петьке не требовалось повторять дважды: поездка обещала много интересного.

Они дождались лифта. Грузовая кабина сначала проехала на девятый этаж и уже после, на обратном пути, открыла свои двери перед Машей и Петькой. В лифте пахло мочой, и они вошли в кабину аккуратно, стараясь не наступать на мокрое.

Во дворе светили фонари. На задворках микрорайона, где прохожих было мало, Петька взорвал – одну за другой – три самодельные петарды. Две первые, отброшенные в снег метров на пять, бабахнули громкими, ослепительно яркими вспышками. Последняя же полыхнула прямо в воздухе; ещё не коснувшись земли, она зашипела, выбросила в воздух сноп искр и превратилась в сияющую фиолетовую астру.

Каждый раз, когда сын поджигал петарду, Маша непроизвольно напрягалась и задерживала дыхание. Ей казалось, что взрывчатка обязательно полыхнёт прямо у Петьки в руках; слишком уж долго сын вертел в руках зажжённую горючую смесь. Но ребёнок проделывал свои пиротехнические манипуляции настолько ловко, что во время третьей, последней вспышки Маше стало понятно: это не первый его эксперимент. Наверняка сегодняшнему салюту предстояло несколько пробных запусков.

Когда последний фейерверк погас, Маша нервно засмеялась – наконец-то испытание огнём закончилось.

Выражение гордости ещё несколько секунд держалось на Петькином лице, но постепенно сменилось растерянностью. Эффект от салюта, на который он потратил несколько свободных вечеров, получился гораздо скромнее, чем ожидалось. Мальчишка уселся на переднее сиденье «тойоты», пристегнул ремень. Ещё раз коротко глянул на мать и отвернулся, уставившись в окно.

– Ты стараешься быть весёлой.

«Тойота» медленно ехала по Королёву. Со стороны Акуловского водоканала раздавалась непрерывная праздничная стрельба, ей вторили залпы из-за станции Болшево, из района Старого Сквера.

Только звуки петард в подсвеченном фонарями небе говорили о том, что Новый год добрался до небольшого подмосковного города. За пять лет жизни в Королёве Маша так и не привыкла к тому, что новогодняя иллюминация здесь ограничивалась лишь центральными улицами, проспектом, площадью и парком. Прожекторы освещали мозаику «Покорители космоса», по периметру прямоугольных колонн Дома культуры бегали синие огоньки, а отдалённые районы так и лежали хмурые, погружённые в аскетичное свечение обычных городских фонарей.

Вскоре «тойота» выехала на Ярославское шоссе, а Королёв остался позади. Над Машиной головой уже хитро сплетались и расплетались ленты развязок Московской кольцевой. Справа по борту мелькнула улица Вешних Вод, по левую руку появился и исчез новый торговый центр, на месте которого раньше была долгая стройка. Вдоль шоссе горели тонкие нити жёлтых и синих гирлянд. За две минуты Маша насчитала пять ёлок, заметных со стороны дороги. Перед ней лежала Москва, город, где Новый год празднуют с размахом даже на самых окраинах.

Проработав в столице восемь лет и прожив в ней три года, Маша знала, что сегодняшняя ликующая Москва принадлежит ей по праву – так же, как и любому другому москвичу, будь то житель Бульварного кольца или не имеющий московской регистрации приезжий, тот, что нелегально снимает комнату на окраине. Москву Маша любила – пожалуй, именно так шекспировский Просперо любил остров, который его приютил.

Маша и в самом деле чувствовала себя сродни волшебнику: ведь сотворила же она своё первое волшебство в Новом году для Петьки – полёт над Москвой, усыпанной праздничными блёстками. Их мерцание отдавалось в ушах чуть слышным тремоло, звуком серебряного оркестрового треугольника: «Динь-нь!»

По Садовому кольцу бежали автомобили. Пунктирные блёстки оплетали стволы деревьев и фонарные столбы. Когда автомобиль уже летел по центру, пошёл снег – сперва редкий, а потом он повалил с неба неуклюжими тяжёлыми хлопьями. Там и тут хаотично появлялись белые вспышки, они освещали контуры остроконечных высоток, мостов, деревьев.

Кутузовский проспект Маша постаралась проехать как можно быстрее; именно отсюда лежала самая короткая дорога до работы, о которой не хотелось вспоминать. Потом свернула на Третье кольцо, потом – на Сетунский проезд.

– А Сетунь – это от слова «сетовать»? – спросил Петька сонным голосом.

– Нет, это «болото» или «трясина». По-древнерусски.

На повороте к Воробьёвскому шоссе стоял гаишник; кто знает, что он там делал в новогоднюю ночь и каких нарушителей надеялся изловить, но Маша удивилась и испугалась, ударила по тормозам и, готовясь к худшему, напряжённо сжала руль. Человек в зелёном жилете равнодушно смотрел в другую сторону. Когда машина автоинспекции осталась позади, Маша громко выдохнула. Она уже повернулась к сыну, чтобы сказать, как им повезло на этот раз – доехать до смотровой площадки и не попасться в лапы родной автоинспекции.

Петька спал, прислонившись к боковому стеклу. Волшебство кончилось, серебряный треугольник умолк. Маша что-то не рассчитала, не успела, да и разве это возможно – опередить детский сон, когда циферблат показывает уже без малого два часа ночи.

Вдоль всей Университетской площади стояли плотно припаркованные автомобили. Парочки и шумные компании прохаживались по улице напротив смотровой площадки. Пешеходы бесцеремонно заняли всё пространство, включая проезжую часть.

Маша заглушила мотор, оперлась на руль руками и подбородком. Как только дворники перестали работать, лобовое стекло сразу же покрылось снежными кляксами. Смех празднующих горожан, крики и залпы салютов с запозданием доходили до Машиного слуха. Люди теперь казались ей далёкими, почти инопланетными жителями, может быть, даже антиподами, обитателями другого полушария.

Она сидела, облокотившись на руль, и смотрела на стекло, залепленное снегом, – пять минут, десять, двадцать. Волнами до неё докатывался ритм какой-то популярной песни, он то нарастал, то стихал. Маша медленно приходила в себя после полёта по ночной Москве и уже не понимала, для чего он был нужен, этот полёт.

Так и заснуть недолго, подумала она и представила себе, как они с Петькой утром первого января просыпаются в машине, припаркованной на Воробьёвых горах. Ни тебе кофе сварить, ни зубы почистить.

Маша включила левый поворотник и в несколько приёмов, переключая передачи, медленно отчалила от поребрика – так, до сих пор по-петербургски, она называла московский бордюр. Маша долго переучивала себя говорить правильно и почти уже было переучила – а вот сегодня снова выскочило это корявое словечко.

Её «тойота» аккуратно проползла мимо смотровой площадки. С противоположной стороны возвышались роскошные зубцы высоток Московского университета, подсвеченные цветными прожекторами.

За окнами раскачивались дома и деревья. Когда по правой полосе на большой скорости промелькнуло несколько автомобилей, Маша вдруг поняла, что тащится по проспекту еле-еле, совершенно бездумно и бесцельно. Она вдавила педаль в пол. Фонари, сонно глядевшие сквозь мелкую снеговую пыль, наконец рванулись с места и побежали.

Маша кружила по улицам, ехала куда глаза глядят и сама не заметила, как оказалась на Маросейке, а потом уже и на Покровке. Несмотря на развесёлый свет рекламных вывесок, ночь стала темнее и глубже. Праздничная подсветка мигала, а больше на улицах движения уже почти не было – автомобили стояли припаркованные во дворах и вдоль проезжей части. Город отгулял, отплясал свой законный праздник и постепенно погружался в сон, ещё зыбкий и некрепкий.

«Тойота» повернула, и за окном показалась светлая башенка с квадратными зубцами. Маша зарулила во двор.

Свет уличного фонаря ударил по глазам. На пассажирском сиденье тревожно заворочался Петька. Он разлепил веки и, сопя, попытался разглядеть картину за окном.

– Мам? Мы что, приехали к дяде Марку?

Маша нашла в себе силы бросить взгляд на окна первого этажа, те, что находились справа, прямо над крышей машины.

В окне горел свет. Неяркий – значит, в комнате зажгли не большой потолочный светильник, а лампу-ночник. От ночника текли мягкие волны приглушённого оливкового оттенка, и Маша ещё несколько минут, как замороженная, следила за его колыханием.

Глава 3

Зайцы-зайцы, просыпайцы. Зайцы-зайцы, умывайцы.

Зайка первый и второй. Тот, кто первый, тот герой.

Ненавистная песенка. Интересно, кто её выдумал. Может, отец? Хотя будить дочерей по утрам было именно маминой работой. Бабушка тоже пела про зайцев – летом, когда внучки жили на даче. Нина Александровна повторяла только первую строчку и никого не призывала вскакивать с кровати и быть первым – за лето сёстры отвыкали от борьбы за умывальник.

Счастье, когда тебе тридцать четыре года, ты в доме старшая, и утром (ну, хотя бы в каникулы) тебе позволяется спокойно лежать в кровати и досматривать сон, а не лететь опрометью в ванную, чтобы доказать, что ты герой и ты первая, ты, ты, а не твоя заспанная старшая сестра, которая ищет под кроватью свой тапочек и никак не может его найти.

Маша сделала усилие и села. Нашарила на спинке стула старый махровый халат, запахнула его и направилась в ванную комнату – никто её туда не гнал, но повторно засыпать она не умела. Если в голову попала какая-нибудь тревожная мысль и побежала по кругу – бессмысленно лежать и мучиться: лошадка всё равно пробежит столько, сколько ей положено.

Прежде чем лечь спать, они с Петькой сгрузили грязную посуду в раковину, но стол, выдвинутый на середину комнаты, так и не убрали.

Хрущёвские квартирki однотипны. В детстве Маша видела много таких квартир, когда бывала в гостях у школьных подружек, но никогда не думала, что ей самой придётся жить в подобных условиях. Раньше её всегда поражали и теснота, и однообразие маленьких жилищ, и незамысловатая мебель, вписанная в убогие пространства. А сейчас – ничего. Жить можно.

В хрущёвке не может поместиться большой обеденный стол – а у них в Ленинграде был именно такой стол, сработанный из покрытого лаком морёного дуба, и занимал он половину гостиной. Раскладная конструкция, которую Маша вчера вытащила из угла и накрыла скатертью, обычно стояла в маленьком пространстве между окном и стеллажом. Это было Машино рабочее место, здесь она по вечерам проверяла самостоятельные работы учеников. Так работать можно было хоть каждый вечер – пока директриса не добавила в школьный устав пункт, запрещающий проверку тетрадей на дому.

Две бутылки шампанского – детское и настоящее – всё ещё стояли открытые на краю стола. Вернувшись из ванной, Маша с досадой подумала, что напитки пора выбрасывать.

Подумала, придвинула к себе стоящий на столе пустой бокал и налила его до краёв. Кислое, тёплое, но пить вполне можно.

Какая безумная новогодняя ночь! Ожидание Марка и поездка в Москву в пьяном виде, да ещё и с ребёнком на борту. Не дай бог, Петька расскажет о поездке своему отцу. У бывшего Машиного мужа, подкованного в юридических делах, наконец-то появится повод отобрать у неё ребёнка – а Маша всегда боялась, что Петькин отец однажды это сделает. Но нет, Петька не расскажет, успокоила она себя. Он не такой. Иначе бы она ни за что не отпустила его в Петербург на новогодние каникулы.

Сегодняшний день и завтрашнее утро следовало посвятить Петькиным сборам перед поездкой в родной город. Если бы хоть раз на каникулах у неё была возможность взять и забыть, что у Петьки есть отец! Но забыть об этом было невозможно, ведь в Машиной квартире о Петькином отце напоминали очень многие вещи.

Петькина комната была набита этими напоминаниями снизу доверху. Здесь стояла самая дорогая техника и мебель, и вся она была куплена Машиным бывшим. Когда они только переезжали в Королёв, Петькин отец время от времени звонил Маше и требовал напомнить размеры новой комнаты сына. Маша делала замеры, а через неделю к ним приезжали рабочие и

поднимали на седьмой этаж то шкаф, то письменный стол, то раскладной диван с ортопедическим матрасом.

– Офигенно! – восхищался Петька. – Мам, приляг, ну приляг же, тебе обязательно понравится!

– Вот ещё! – Маша оставалась непреклонной. – Сам валяйся на своём диване.

– Ну ма-ам! Тебе тоже нужно купить такой матрас!

Маша нашла в интернете фирму-изготовителя и попыталась рассчитать стоимость заказа. Стало понятно, что покупку эту, необязательную и несоизмеримую с Машиными доходами, отец ребёнка сделал с явным расчётом уязвить самолюбие бывшей жены.

Точно так же Андрей поступил, когда Петька захотел новый компьютер с начинкой для игр. Технику просто привезли и установили, даже не спросив, согласна Маша или нет.

Экран телефона мигал, память сообщений переполнилась. Сначала Маша открыла послание от Марка, отправленное в пять утра: «Дорогая Мышь, поздравляю с праздником! Желаю тебе любить меня, в новом году и всегда. Твой Марк».

Не позвонил, так хоть написал. Настроение заметно улучшилось, и она безразлично пролистнула следующее сообщение – длинное поздравление от старшей сестры. Ей совсем не хотелось читать плохое стихотворение, скопированное откуда-то из Сети.

Московская подруга Ирка коротко поздравляла их обоих – её и Петьку – и напоминала о запланированной поездке в лавру; Маша обещала отвезти её туда на праздниках. Ирка собиралась провести хотя бы один день вдали от дома, ей очень хотелось отдохнуть от обязанностей домохозяйки и матери двух детей, старшему из которых недавно исполнилось десять, а младшей, Машиной крестнице, – четыре.

Отправив ответное поздравление Ирке, Маша добралась и до запоздалого сообщения от матери, Ираиды Михайловны Иртышовой. Открыла его и сразу же закрыла. За последние восемь лет они с матерью едва ли перебрались несколькими словами. Давняя ссора вылилась в жёсткое обоюдострое противостояние, и вот уже восемь лет ни одна сторона не спешила сдавать позиции.

Отцовские короткие послания нельзя было спутать ни с чьими другими. Лаконичные, избыточные сокращениями, написанные большими буквами: отец плохо видел и поэтому маленькими писать не любил. Он всегда забывал, где в меню телефона находятся знаки препинания, и писал, не обращая внимания на запятые.

Перечитав отцовское поздравление, Маша улыбнулась. Когда она была маленькой, первое января в семье Иртышовых безоговорочно принадлежало отцу.

Когда родители разошлись и отец стал жить отдельно, со своей новой женой Натальей, у сестёр Иртышовых установилась новая традиция – «папины прогулки» первого января. Обычно отец водил дочерей на городскую горку, брал билеты во Дворец пионеров и на ёлки в Филармонию. Вечер завершался в кафе-мороженом, где сёстрам позволялось заказывать столько сладостей, сколько они могли съесть.

Однажды в самое предновогодье Алька свалилась с респираторной инфекцией, и первого числа у неё всё ещё держалась высокая температура. На прогулку с отцом пошла одна Маша, и это была особая прогулка.

Все прошлые годы Алька по дороге болтала без умолку и задавала отцу самые разные вопросы, а папа отвечал, предварительно откашливаясь – так обычно откашливается лектор. А в этот раз отец шёл молча. Казалось, он вовсе не обращает внимания на дочь. Когда перед ними над проезжей частью мигал светофор, доцент Иртышов нащупывал Машину руку – и так же машинально отпускал её на противоположной стороне улицы. Молчание тревожило, и девочка боялась, что папе с ней неинтересно. С Алькой интересно, а с ней, Машей, – нет.

Алька была старше почти на два года. Сестра росла общительной и обаятельной, а мамыны приятельницы, родственники и отцовские коллеги – все в один голос повторяли, что

уж старшая-то Иртышова обязательно вырастет красавицей. Алька не прилагала усилий, чтобы нравиться окружающим, но Маша, хотя поначалу и завидовала такому сестриному успеху, никак не могла понять, почему ей самой после долгого общения с сестрой так быстро становится скучно. Гораздо позже она догадалась, что всё дело в Алькиной непосредственности, в умении быстро забывать обиды и не слишком-то задумываться: ни о вещах, которые говорит она сама, ни о том, как отнесутся к сказанному окружающие.

С Машей всё выходило гораздо сложнее. О ней знакомые говорили: «умненькая, вся в отца» – потому что больше им сказать было нечего. Дети во дворе не очень-то любили играть с Машей, а один мальчик даже назвал её злокой, но девочка на удивление спокойно это восприняла. Она знала: папина дочка у них в семье одна, и, если папа тоже не слишком-то часто улыбается, это совсем не значит, что он злой или какой-то неправильный – просто не все чужие люди верно его понимают.

Маша с отцом гуляли по новогодним улицам – казалось, даже автомобили двигались заторможенно, а люди ходили сонные, словно в замедленной съёмке. Маша не запомнила из той давней прогулки почти ничего, кроме огромного Деда Мороза в синей шубе, которого городские власти поставили на Невском возле жёлтой стены Гостиного Двора. Маше Дед Мороз казался невероятным великаном, его шапка достигала высоты арочных проёмов на втором этаже Гостинки. Девочка вдруг вообразила себе, что, если вдруг подует ветер, махина рухнет на мостовую и придавит всех прохожих. Под самой кровлей торгового комплекса, над головой новогодней фигуры висел красный плакат «Решения 26-го съезда КПСС претворим в жизнь!». Маша читала плакат и успокаивалась: уж партия-то, наверное, позаботилась о том, чтобы Дед Мороз крепко стоял на своих двоих.

Проходя мимо, отец неожиданно воскликнул:

– Ну и чучело! Надеюсь, они хорошо его закрепили.

Маша засмеялась и успокоилась. Оказалось, они с отцом даже думали одинаково! Ей вдруг открылось, что для того, чтоб двум людям быть счастливыми вместе, разговоры совершенно необязательны. Никакого кафе-мороженого в тот день ей уже не хотелось.

Маша накинула пальто и, прихватив бокал, вышла на балкон. День стоял зелено-вато-серый, тусклый.

Перед глазами снова и снова навязчиво возникало мягко подсвеченное окно первого этажа знакомого дома в Колпачном переулке. Она уже никогда не узнает, ночевал ли там сегодня маленький Хомяк, а может быть, в квартире гостила бывшая жена Марка. Маша ни за что никому не расскажет о своей слабости и теперь ещё долго будет чувствовать себя кем-то вроде галки, приблудившейся с Ивановского подворья, галки, что случайно летела мимо и заглянула в чужое окно.

Существо, которое пришло незванным и ушло никому не нужным. Давным-давно в Машинной жизни, кажется, уже было что-то подобное, её совершенно точно кто-то однажды так назвал, вот только нужно вспомнить когда и кто.

Сигарета отлично прояснила мысли, и, даже не сделав ещё третьей затяжки, Маша уже вспомнила, кто и когда говорил ей слова, так цепко засевшие в её голове. Дело было связано с одним тайным знанием, которым старшая сестра однажды щедро поделилась с младшей.

– Мама сказала, что у них с папой уже давно всё расклеилось, – скорбно поведала Алька, сидя на кровати в детской.

На старшей сестре были надеты трикотажные колготки фиолетового цвета, которые всегда собирались гармошкой. Ноги она выгнула колесом: коленки растопырила, а носки смотрели друг на друга.

– Всё расклеилось ещё до твоего рождения. Так мама сказала.

В Алькиной интонации звучало превосходство – власть знающего человека над незнающим. Маша сидела внизу, на ковре, и смотрела на Алькины ноги.

– Врёшь. – Маша очень старалась, чтобы голос её звучал как можно более безразлично. – Если бы у них с папой всё расклеилось ещё до меня, то я бы никогда не родилась. Дети рождаются, если мама и папа друг друга любят.

– А вот мама сказала, – Алька гнула своё, – ты родилась случайно.

В детстве Маша ещё не вполне понимала, что от сказанного слова может быть больно.

– Враньё, враньё! – прошипела она.

Потом подползла ближе и пнула Альку, целясь в коленку. Потом ещё и ещё. Ей хотелось разбить противный фиолетовый эллипс.

– Дура, дура, Машка дура! – отбивалась Алька. – Ты родилась случайно, поняла? Никто не хотел, чтобы ты родилась. Мама сказала!

Она тоже начала пинаться – её тапочки на жёсткой подошве мелькали прямо возле Машиного лица. Младшей сестре оставалось только уворачиваться – она так и не догадалась встать с ковра, а старшая быстро приняла выгодную оборонительную позицию. Наконец младшая извернулась, схватила старшую за ногу и укусила чуть повыше лодыжки. Алька взвыла и рухнула на пол.

– Ты случайная, случайная!

Девочки катались по полу, вцепившись друг другу в плечи, в волосы – во всё, до чего можно было дотянуться. Они пыхтели и визжали – пока не прибежала бабушка и не задала им ещё большего жару.

Кстати, взрослая Алька начисто забыла про драку. Как-то раз через много лет Маша пыталась напомнить ей про себя «случайную», но сестра только мотала своей красивой головой и расширяла глаза, миндалевидные, чуть зауженные к вискам, подведённые тоненьким чёрным карандашом.

Ф-фух. Ну, вот теперь всё встало на места, сказала себе Маша и потушила окурок.

Ничего, мы ещё поглядим, кто здесь в вашем прекрасном мире случайный. Кто здесь нужный, а кто ненужный, подумала Маша, глядя вниз, на голые кроны деревьев, на крыши домиков частного сектора.

До окон седьмого этажа доплыл запах дыма берёзовых дров; там, внизу, жители частного сектора топили печи. Запах воздуха над подмосковным городом, на окраине которого стоял Машин дом, невозможно было спутать ни со столичным, ни с петербургским. Печной дух стал неотъемлемой частью её новой родины.

Когда Маша уже домывала посуду, стукнула дверь детской. В коридоре появился Петька. Он стоял на полу без тапочек, в одних трусах и майке, потирая глаза основанием ладони.

– Обуйся! Простудишься.

Маша домывала противень, на котором остался пригоревший жир.

– Выходит, я к папе еду всего только на одну неделю? – спросил Петька. – Так мало?

– А тебе надо на сколько? На всю жизнь, что ли? – Маша потрясла пузырёк с чистящим средством, пытаясь добыть оттуда ещё хотя бы каплю.

Подняв голову от раковины, бросила Петьке:

– Умывайся давай, сейчас в магазин пойдёшь.

Но Петька всё ещё стоял в проходе.

– Мам.

– Ну, что ещё? – Она строго на него взглянула. – Не ковыряй обои, кому сказано!

Петька вздохнул.

– Мам, а можно... Можно, я прилечу обратно не одиннадцатого, а тринадцатого?

– Чего-о? – Маша вскинула брови. – Ты в прошлой четверти столько занятий пропустил, еле нагнал. И снова отдыхать собрался?

– Ну ма-ам...

– Нет, это просто кошмар какой-то!

Она сдёрнула со стены пёстрое вафельное полотенце, размахнулась и, подскочив к Петьке, шлёпнула его по голым коленкам:

– Умывайся, кому сказала!

Сын отпрыгнул и скрылся в ванной. И уже когда Маша, шумно сдувая со лба упавшую прядь, забросила полотенце на плечо и вернулась на кухню, дверь ванной комнаты отворилась, и оттуда высунулась растрёпанная Петькина голова.

– Ма-ам? Может, я всё-таки останусь до тринадцатого?

Глава 4

Способ пережить третье января был только один: покрепче сжать зубы и пореже смотреть на циферблат. «Дежурства в школе никто не отменял», – говорила директриса. На один день Маша должна была забыть о каникулах и приехать на работу, чтобы потом, в конце дня, снова отыграть всё обратно и сделать вид, что отдых продолжается. Вечером Марк ждал её в гости, а ради этой встречи стоило потерпеть и всё остальное.

Маша добралась до школы, как и положено, к девяти часам. Дороги в городе стояли непривычно свободные, каждый пятый светофор не работал и мигал жёлтым светом. Такой же пустой и неуютной показалась Маше её собственная квартира, которую она покинула сегодня без сожаления.

Она вспоминала вчерашний Петькин отъезд и то, как сын торопился поскорее покинуть зал регистрации, чтобы пройти наконец за белую пластиковую перегородку, на территорию свободы, где никто не окрикает, не одёрнет, не прикажет надеть шапку. Маша прекрасно понимала, что ребёнок, конечно же, не перепутает номер выхода и отыщет своё место в самолёте. Волноваться было не за что. И всё-таки... Она впервые отпустила его лететь одного и до последней секунды пыталась задержать сына – чтобы сказать ему что-то, и ещё, и ещё, повторить какие-то бессмысленные предостережения.

После возвращения из аэропорта день прошёл быстро, словно промелькнул. Такой же короткой оказалась ночь – и Маша словно бы перенеслась из вчерашнего дня в сегодняшний, прямо в здание школы.

Дверь открыл дежурный охранник, седоватый человек в чёрной форме с нашивкой.

Во время Машиного дежурства должны были прийти рабочие, чтобы начать белить потолок в комнате группы продлённого дня; в обязанности дежурного учителя входил контроль за работой мастеров. Рабочие пришли почти одновременно с Машей. Она проводила их на второй этаж, и через несколько минут по гулким школьным коридорам прокатились характерные звуки; в комнате отдыха двигали мебель. Старший работяга зычным голосом отдавал команды младшему на их родном языке – наверное, на таджикском, решила Маша. Младший послушно выполнял указания. Для порядка потоптавшись одну или две минуты в помещении продлёнки, учительница прикрыла дверь и оставила мастеров в покое.

Трёхэтажное здание школы было старым и типовым. Оно давно требовало ремонта, который производился точечно, большей частью в каникулы и в основном с помощью денег, добытых через родительский комитет. Например, на ремонт помещения продлёнки, которое принято было именовать «комната отдыха», денег дали родители Данилы Красневского, выпускника из 11-го «А» класса.

Маша уже третий год писала заявки на установку новых пластиковых окон в кабинете русского языка и литературы, но её требование всё ещё числилось в конце списка, хотя многие другие хозяйственные запросы, поступившие гораздо позже, странным образом решались без очереди.

– Будет лучше, если вы сами попытаетесь найти средства для установки окон, – намекала Маше Нинель Валентиновна. – Поговорите с родителями слабых учеников.

Маша не умела выбивать деньги из родителей. Не умела и учиться этому не желала; лет семь назад, на одном из педсоветов она чересчур резко – как это свойственно молодым и неопытным людям – высказала своё мнение о подобном способе поиска средств. Машин принципальность надолго настроила против неё почти весь педагогический коллектив.

– Жаль, не застали вы Инну Сигизмундовну, – ответила на Машин выпад одна из её старших коллег. – Сталинистка, выжившая из ума. Вы с ней очень похожи.

Инна Сигизмундовна считалась легендой школы. Коллеги терпеть её не могли за то, что взятки от родителей она никогда не брала, а в спорных ситуациях всегда рубила правду-матку. Старуха дожила до звания заслуженного учителя, и, так как никто не мог заставить её добровольно проститься с преподаванием, в восемьдесят два года Инну Сигизмундовну вынесли из школы ногами вперёд в буквальном смысле слова.

После педсовета, где Машу сравнили с «выжившей из ума сталинисткой», молодой учительнице так и не удалось наладить дружеские отношения со старшими коллегами.

Ещё одной причиной постоянных конфликтов учителей и начальства были школьные дежурства.

Вменить учителям обязанность дежурить по школе в праздничные дни было частью приказа, который администрация утвердила на заседании школьного правления. Пункт значился в Уставе, но содержимое этого внутреннего документа сильно расходилось с содержимым Трудового кодекса. Молодые учителя время от времени пытались оспорить Устав и отказывались дежурить, но противостояние директрисе, что ни говори, было делом рискованным. Бунтари в коллективе долго не задерживались. Им создавались особые условия, и они уходили сами.

Директриса Нинель Валентиновна давно уже перешагнула пятидесятилетний рубеж, но одевалась в голубые, розовые и светло-серые приталенные костюмы, чем задавала пример всем женщинам, работавшим под её руководством. В любой черте начальницы глубоко отпечатались следы власти и упорного пути к ней. Её нижняя челюсть с рядом желтоватых зубов настолько неестественно выпирала вперёд, что всё остальное в её внешности казалось второстепенным: и крупные родинки на лбу, и тяжёлые веки, и бульдожьи брыли, размывавшие контур лица, всегда покрытого тональным кремом. Все знали, что под плотным слоем косметики директриса прятала большое красное пятно в форме бабочки, крылья которой соединялись на спинке носа. Много лет Нинель Валентиновна носила одну и ту же причёску – платиновую халу на затылке, закреплённую шпильками.

Манера работы Нинели Валентиновны была тоже бульдожья: использовать выгодные связи, поощрять нужных людей, избавляться от ненужных, а проблемы закатывать глубоко в бетон. Директриса держала в тонусе весь учительский коллектив. Справедливость была ей не чужда, и Маша уже не раз убеждалась в этом, но, как человек старой закалки, Нинель многие сложности решала по старинке, единым росчерком пера. Чтобы решать, на каких бумагах ставить этот росчерк, советчики ей не требовались.

Нинель подписывала графики дежурств почти не глядя, полностью доверяя человеку, составлявшему их. Этим человеком была одна из трёх администраторов-завучей, Анна Сергеевна Горячева.

Анна Сергеевна выглядела довольно молодо, вернее сказать, моложаво. Косметика, маникюр, брови, старомодно выведенные в тонкую ниточку, каштановое каре с идеально прокрашенными корнями, всегда эффектные, хотя и некрупные, серьги. На безымянном пальце Горячева носила широкое обручальное кольцо, хотя вся школа знала, что классная 11-го «А» никогда не была замужем. Анна Сергеевна занимала должность заведующего учебной частью всего лишь полтора года. До этого назначения она, как и Маша, была обычной учительницей русского языка и литературы.

Восемь лет назад, когда Машу взяли преподавать русский язык на четверть ставки, Анну Сергеевну сделали Машиной наставницей. Горячеву невероятно раздражало, что девушка устроилась в их школьный коллектив по большому благу, через знакомства профессора Иртышова. Но другого способа найти работу учителя у Маши тогда не было: когда она приехала в Москву, у неё за спиной имелось всего лишь несколько лет обучения в Педагогическом институте и смутные воспоминания о практике, которую она проходила в одной из петербургских школ.

Так как поначалу Маша поступила на исторический факультет, а на филфак перевелась уже позже, на своей первой практике она вела историю у шестых и восьмых классов и рассказывала детям о Великой французской революции, сама не имея об этом событии никакого представления. Дети на уроках ходили по классу, плевались жёванной бумагой, врубали на полную громкость какие-то модные синглы. Один раз Маша посреди урока в слезах выбежала из кабинета. Но уже в Москве, когда встал вопрос о выживании, в Машином характере вдруг появилась неожиданная жёсткость.

Она пришла на свой первый урок так, как рабочие выходили на баррикады. Глаза её горели, в голосе звенел металл. Получив вожделенные четверть ставки (надо полагать, директорисе понравилось, что теперь у них в школе будет преподавать внучка самого академика Иртышова), Маша вела русский и литературу у пятых и седьмых классов. Её наставница Анна Сергеевна курировала уроки, проверяла после Маши самостоятельные работы учеников, а поурочное планирование Маша видела в страшных снах.

«Двадцать лет работаю и никогда не слышала такой безграмотной речи» – так Анна Сергеевна отозвалась на педсовете о первом Машином открытом уроке.

Однажды Горячева села «на галёрку» и, после того как Маша уже начала объяснять тему, привстала с места, надела на нос очки и сделала несколько шагов вдоль ряда парт.

– Ну вот, а я-то сомневалась, не забыла ли Мария Александровна сегодня юбку надеть? Оказывается, не забыла. Вон, из-под пиджака что-то виднеется.

В классе грохнул взрыв смеха. Маша попыталась вернуться в русло урока, но её никто уже не слушал.

После эпизода с юбкой Маша чувствовала себя даже не униженной – контуженной. Её словно ударили по голове чем-то тяжёлым, и удар на несколько часов лишил её возможности говорить связно и по делу. В тот же день Маша чуть было не написала заявление по собственному желанию. Увы, ей некуда было уходить. На сайтах поиска работы для лиц с неоконченным высшим образованием попадались только вакансии детсадовских нянечек с соответствующей зарплатой. А Маше требовалось во что бы то ни стало выжить, доучиться, вырастить Петьку и заработать на жильё, чтоб больше никогда не просить ни у кого помощи и не переезжать с одной съёмной квартиры на другую. Именно в те дни Маша приняла решение: сцепить зубы и терпеть во что бы то ни стало. Заявление об уходе так и осталось ненаписанным.

Маша начала преподавать в десятых и одиннадцатых классах, только когда Анне Сергеевне предложили должность завуча. Классное руководство у выпускников Анне Сергеевне разрешили оставить, и последние два года Горячева почти так же пристально, как и в самом начале, следила за каждым шагом своей младшей коллеги. Новоиспечённая завуч при любом удобном случае делала Маше замечания, но теперь, став опытнее и увереннее в себе, Маша понимала, что придирки Горячевой вызваны только лишь старой неприязнью и ревностью – и более ничем. Зато при составлении графика дежурств у Анны Сергеевны всегда под рукой имела Машина кандидатура, с помощью которой она латала зияющие дыры в расписании.

Кабинет русского и литературы, который достался Маше в наследство от Горячевой, находился на третьем этаже. Между кабинетом и лестницей тянулся недавно отремонтированный холл; пол его был выложен плиткой молочного и коричневого цветов в виде шахматной доски. В холле на стенах висели кашпо с растениями. Не забыть бы их полить, подумала Маша – и вошла в аудиторию, где проводила большую часть рабочего времени.

Уборщица перед каникулами вымыла полы, и поэтому в классе оказалось непривычно чисто – а ещё промозгло. Из окон слегка поддувало, Маша заметила это ещё в декабре, но весь прошлый месяц у неё не хватало времени, чтобы наконец подклеить щели. Зато сегодня в запасе имелось несколько долгих часов, и потратить их она собиралась с пользой. Из дома учительница принесла малярный скотч, она купила его специально, чтобы наконец-то заняться окнами.

Маша переместила горшки с цветами на парты, сбросила туфли и залезла с ногами на подоконник. Когда она сама была школьницей, у них в классе дважды в год устраивалась генеральная уборка. От трудовой повинности не освобождался никто, ни дети научных работников, ни даже внуки райкомовских служащих. Осенью, в конце октября, ребята сами заклеивали на зиму окна с помощью ваты и длинных бумажных полосок, смоченных в мыльной воде. А весной, в апреле, отрывали от рам куски бумаги, доставали из щелей свалявшиеся серые ватные клочки и протирали стёкла газетами – чтоб блестели. Но там, где сейчас работала Маша, забота по благоустройству школьных помещений полностью ложилась на плечи учителей. Педагоги решали проблему кто как мог. Одни привлекали родителей, другие управлялись собственными силами. Заставлять учеников мыть или утеплять окна теперь считалось незаконным, и даже в Уставе имелся особый пункт, посвящённый детскому труду.

Наконец Маша провела ладонью вдоль рам, ручек и шпингалетов и убедилась, что работа проделана хорошо. Цветы она поставила обратно на подоконники и обошла их с маленькой лейкой. Не забыть полить растения в холле, повторила она про себя.

Кабинет биологии находился на втором этаже, и Маша, недолго думая, полила ещё и цветы, стоящие там: Карина Васильевна, биологиня, выйдет на своё дежурство только шестого. С Кариной Васильевной они не то чтобы дружили – скорее, поддерживали ровные отношения.

Учительница биологии обладала очень яркой внешностью: тёмно-оливковая кожа, крупные губы, копна чёрных выющихся волос. При взгляде на Карину Васильевну в Машинной памяти возникали самые экзотические женские образы. Какие роли в кино эта девушка могла бы сыграть? Индийскую поэтессу Зебуниссу, кварталонку Аврору, а может, героиню восточных газелей. . . Маша попала почти в десятку: в приятельской беседе биологиня рассказала, что в её роду и в самом деле были арабы. Когда у родителей Карины завязался роман, её биологический отец учился в Университете дружбы народов. Однако настоящим своим отцом молодая женщина считала того, кто её вырастил, – отчима.

Горячева имела своё мнение относительно экзотики:

– Человек, конечно, произошёл от обезьяны, – Анна Сергеевна окидывала Карину придирчивым взглядом, – но чтоб стать учителем, нужно кое-что ещё.

Вместе с Кариной Васильевной несколько дней назад Маше пришлось участвовать в школьном утреннике.

Утренник для малышей устраивали каждый год, но в этот раз директриса принесла новый сценарий, где кроме Деда Мороза и Снегурки имелось множество других персонажей. В празднике заставили участвовать учителей младших классов, физрука и учительницу музыки.

– Давайте в этом году привлечём побольше молодёжи, – предложила Горячева.

Карине и Маше пришлось играть двух отрицательных персонажей – коварную Лису и осеннюю Слякоть.

– Ох, – сказала Карина Васильевна. – Если так, можно я буду Лисой?

– Вы будете чёрно-бурой лисой, – вставила Горячева, но всё-таки записала фамилию Карины в соответствующую графу.

Маша, так и быть, согласилась на то, что имелось в остатке. Слякоть. Кому, как не коренной петербурженке, играть таких персонажей.

Она придумала новогодний костюм из старых Петькиных вещей, которые отец купил ему, чтобы ходить летом на охоту или рыбалку. Слякоть была создана из болотных сапог (одна пара), прорезиненного дождевика (одна штука) и шляпы с антикомариной сеткой (одна шляпа). Петькина обувь оказалась на два размера больше, чем нужно, – ну и великана же я вырастила, с гордостью подумала Маша, примеряя сапоги. Она затолкала внутрь вату и положила две пары стелек – и обувь стала почти по ноге. Костюм был дополнен важным аксессуаром, брызгалкой – с помощью такого пульверизатора Маша отпаривала бельё.

Деда Мороза играл физрук, молодой парень невысокого роста, который за четыре года работы неоднократно проштрафился перед Нинелью по причине частых опозданий. В перерыве на репетиции он пытался поднять настроение всему коллективу и предлагал сгонять за вином.

Снегурочка, учительница младших классов, была на полголовы выше Деда Мороза и шире его в плечах – не Снегурочка, а настоящая богатырша Брунгильда, впрочем, очень тоскливая богатырша, которую выбрали на эту роль, как и Машу, – из-за относительной молодости.

Роль Бабы-яги досталась завучу по воспитательной работе с младшими классами. Это была одна из немногих ролей, которая исполнялась с огоньком. Завуч прихрамывала и подпрыгивала, шепелявила и строила рожи, и, пожалуй, единственная относилась к происходящему если не с радостью, то уж точно с иронией. Глядя на неё, Маша подумала, что если даже пожилая женщина способна вот так оторваться на утреннике, то она-то сама чем хуже?

И всё же перед мероприятием Маша нервничала. Она с самого детства не выступала на сцене и, выряженная в Петькин плащ, чувствовала себя очень глупо. В учительской Маша достала из шкафа с посудой аптечку общего пользования и на дне ящичка нащупала маленький пузырёк. Капли Зеленина, спиртовая настойка на основе валерьянки. Маша капнула в чашку двадцать пять капель, подумала и добавила ещё десять. Хотела разбавить снадобье водой, но ничего не вышло: чайник оказался почти пуст, и то, что Маша нацедила со дна, никак не исправило положение. Мерзкую смесь она выпила зажмурившись, одним глотком.

Когда она уже поставила аптечку на место и закрыла шкафчик, дверь учительской неожиданно отворилась. Вошла Нинель Валентиновна. Женщины столкнулись нос к носу.

– Готовитесь к выступлению? – улыбнулась директриса.

– Репетирую, – усмехнулась Маша и от неожиданности выдохнула прямо в лицо начальнице.

Улыбка на лице директрисы застыла и сменилась изумлением.

– Мария Александровна! – Она нахмурила свои тёмные, густо подведённые брови и шагнула вплотную к собеседнице. – Вы что... употребляли спиртное? В рабочее время?

Маша застыла в недоумении.

– А ну-ка, дохните на меня! – приказала начальница, и Маша дохнула.

– Ну я же говорила! – Нинель слегка прищурилась. – От вас пахнет.

Директриса имела право на опасения. Она догадывалась, что в учительской где-то спрятана ещё одна тайная бутылочка. Все учителя знали про эту чекушку и пользовались ею только в особенных случаях. На её горлышко поверх пробки была нахлобучена цилиндрическая стеклянная стопка, всегда удивительно чистая (видимо, кто-то постоянно её протирали). Маша знала: чекушка стояла в шкафу, во втором ряду справа, заставленная подборкой книг по педагогике. Подборка книг никогда не обновлялась, зато марка продукта менялась довольно часто, потому что по негласному правилу новую покупал тот, кто выпивал остатки. Маша почти всегда была за рулём и старалась прикладываться к ней как можно реже. Но сегодня-то чекушка была ни при чём!

– Это же... Это капли Зеленина! – оправдывалась Маша.

Тут снова распахнулась дверь, и на пороге появилась завуч младших классов, в парике и костюме Бабы-яги, поверх которого кое-как был наброшен старомодный китайский пуховик.

– Мария Александровна, сколько можно одеваться! – Её бас гремел на весь пустой коридор. – Быстро в актовый зал!

И, не дожидаясь ответа, заковыляла по направлению к лестнице.

Нинель смерила Машу строгим взглядом, развернулась и вышла из учительской.

Слякоть стала коронным номером утренника. Она весело брызгалась водой, дети визжали от радости и бегали по залу за очередной порцией обливашек. Малыши приняли игру на ура и нарочно подсовывали довольные мордочки под струю пульверизатора.

Какой-то первоклассник в костюме тигрёнка подбежал к Маше с криками: «Облей меня! Облей меня!» – и она, войдя в роль, погналась за ним, громко шлёпая Петькиными резиновыми сапогами. Вдруг ребёнок куда-то пропал, а на пути возникла фигура без карнавального костюма. Маша автоматическим движением несколько раз нажала на горлышко пульверизатора, и мощная струя брызг полетела в лицо директрисе.

Нинель попыталась заслониться рукой от потока воды, но вместо этого непроизвольно мазнула по щеке краешком ладони. Под размытым слоем пудры и тонального крема обнажилось застарелое яркое сосудистое пятно.

Тёмные дуги бровей директрисы поползли к переносице, но женщина мгновенно взяла себя в руки. Достала из кармана платок, промокнула лицо, заулыбалась и начала громко – даже чересчур громко – хлопать в ладоши. Под ёлкой готовили новую сцену. Дед Мороз призывал детишек прогнать мерзкую Слякоть, и этот сценарный ход, надо полагать, полностью совпал с желаниями начальства.

Маша ретировалась из зала без лишнего сопротивления, выбежала в коридор и бросилась к учительской, по пути налетев на группку одиннадцатиклассников, которые так некстати спускались по лестнице.

– Здрасьте, Марья Александровна! – крикнул кто-то ей вслед.

Чтоб вас всех, подумала Маша про себя, и буркнула на ходу: «Привет, Бояринова».

В учительской, по счастью, никого не было. Маша стянула с себя шляпу, сбросила с ног болотные сапоги. Отдышалась, вспомнила про чекушку и подумала, что вот сейчас бы самое время...

Но за Машиной спиной хлопнула дверь, и в учительскую снова вошла директриса. Что же она никак от меня не отвяжется, мелькнуло у Маши в голове.

Директриса держала в руках платок со следами тонального крема. В проходящем свете красные пятна на её щеках сделались особенно заметны.

У Маши оставалась последняя попытка превратить случившееся в новогоднюю шутку.

– Не смешно, – сказала Нинель.

В голосе начальницы звучало не только возмущение, но и досада.

– Это случайность, – беспомощно повторила Маша. – Я не видела, что вы там стояли.

Директриса подошла к зеркалу и краешком платка аккуратно вытерла нижнее веко.

– Всё вы прекрасно видели, – вздохнула она. – Но мне и правда хочется верить, что вы это сделали случайно. А вовсе не потому, что я застала вас за распитием спиртного на рабочем месте.

И Нинель ушла, громко стукнув дверью – может быть, тоже не нарочно, просто в учительской осталась открытой форточка.

Маша припомнила подробности недавнего происшествия и засмеялась. Неужели директриса и в самом деле считала, что правнучка академика Иртышова устроила ей холодный душ из одного только желания навредить? Сегодня же, если не забуду, расскажу об этом случае Марку, повеселю его, решила Маша.

Марк, насколько она знала, тоже никогда не мог найти общий язык с институтским начальством. Мы с Марком два сапога пара, думала Маша, и чем больше она убеждала себя в этом, тем веселее становилось у неё на душе.

К концу дня рабочие на втором этаже вытащили из комнаты отдыха всю мебель. Они застелили пол крафтовой бумагой и сняли с потолка старое покрытие, бурое от пятен и потёков. Это были следы прошлогодней аварии: год назад в кабинете физики, который находился прямо над группой продлённого дня, прорвало водопроводную трубу.

– Завтра всё уберём, хозяйка, – сказал ей старший рабочий, накрывая инструменты полиэтиленовой плёнкой.

Второй, молодой и хмурый, весь день молчал. Наверное, он ничего не говорит, потому что не знает русского, решила Маша.

Она стояла в дверях и смотрела, как мастера покидают рабочее место. Младший показался ей почти ровесником её выпускников. Он на ходу застёгивал куртку и мычал под нос какую-то грустную восточную мелодию. О чем, интересно, поёт этот мальчик, спросила себя Маша.

И тут же ответила себе: о любви, конечно. О чём же ещё. Если бы Маша умела петь – наверное, она тоже пела бы: о дороге с работы, о Марке, об их сегодняшнем вечере, и молодой рабочий, не сказавший за весь день ни одного лишнего слова, понял бы Машу, даже не зная русского языка.

Глава 5

– «Я тебя люблю» – как пошло это звучит... – сказал Марк. – Скоро такие слова останутся только в книгах. Вместо этого люди будут говорить: «Я уважаю твоё личное время и твою территорию».

Он стоял у окна и курил в форточку. Квартирная хозяйка, или попросту старуха, как Марк её называл, всегда ворчала, когда чувствовала в квартире запах дыма, но сама делала точно так же: курила в форточку в своей комнате или на кухне, и потому в доме всё время стоял горький, глубоко въевшийся в стены, застарелый табачный дух.

Марк жил в самом центре Москвы, в месте, которое старожилы и историки называют Ивановской горкой. Он снимал комнату на первом этаже старого пятиэтажного дома, напротив усадьбы, в позапрошлом веке принадлежавшей промышленнику и банкиру Андрею Львовичу Кнопу. Марк был соседом банкира уже целых пятнадцать или шестнадцать лет.

Квартирная хозяйка Марка в молодости танцевала в одном из столичных театров, а сейчас бывшая балерина походила на маленькую седую птичку с крохотной головой, чёрными круглыми глазками, большим носом и тяжёлым животом. Голени у неё оставались худыми, как спички, а в квартире она носила огромные валеные чуни, потому что её стопы, искалеченные артрозом, болели на каждую перемену погоды.

Старуха жила здесь только в холодное время года. В конце апреля за бабкой приезжал сын и увозил её на дачу до самого октября. С Марком, которого старуха считала представителем богемы, а значит, человеком своего круга, бывшая балерина очень любила беседовать об искусстве – вечером, за рюмочкой коньяка. Иногда Марк делал вид, что забывал о сроках платы за квартиру, и старуха в таких случаях вела себя как истинная леди: напоминала своему жильцу о долге не раньше, чем через две недели. С Машей бабка была любезна, как, наверное, и со всеми прежними пассиями Марка. Она называла Машу «деточка» и призывала её «не стесняться».

Присутствие Марка в квартире бывшей балерины не только не принесло жилью процветания, а напротив, ускорило его упадок, однако бабка смотрела на это сквозь пальцы. Маше казалось, что хозяйка была немного влюблена в своего жильца – именно поэтому она позволяла ему творить в своей квартире невесть что. Впрочем, бабке и самой не было равных в умении превратить жилое помещение в настоящие авгиевы конюшни.

Все три комнаты были донельзя захламлены. Самая маленькая была снизу доверху забита невообразимым количеством чемоданов, сумок и пакетов, стоявших штабелями вдоль стен, и лишь узенький проход посередине позволял пробраться к окну. Открыть это окно было невозможно из-за великих завалов на подоконнике – и поэтому здесь открывали только форточку, да и то с помощью палки. Справа и слева от прохода, в который Маша могла протиснуться боком, а Марк вообще не мог пройти, лежали неприкосновенные бабкины богатства.

Помещение это всегда было заперто, и старая балерина никого туда не пускала, даже своего жильца. Но Марк, человек с научным складом ума, всё равно проник туда, разыскав нужный ключ. Этот ключ висел на гвоздике в комнате хозяйки вместе с несколькими другими, назначение которых было неясно ни Марку, ни даже, наверное, самой старухе, потому что она никогда ими не пользовалась.

В запертой комнате хранились старые концертные наряды артистки кордебалета и прочий хлам, накопленный за всю её бурную жизнь. Однажды, когда Маша ночевала у Марка, они вдвоём залезли в запретную зону и, открыв наугад какой-то чемоданчик, отыскали: синий бархатный, изъеденный молью купальник, длинную лёгкую цыганскую юбку, кокошник, искусственную косу и коротенькую кружевную пачку. Букетик пропылённых искусственных цветов рассыпался прямо у Маши в руках.

От щедрот старуха отдала Марку самую большую комнату в квартире, а сама жила в средней: кроме любимой спальни хозяйка больше нигде не могла уснуть. Она никогда не запирала свою каморку, и во время летних отъездов хозяйки в обязанности Марка входило проветривание жилого помещения. В бабкиной комнате был почти такой же бардак, как в запретной кладовой, но качество хлама здесь отличалось от предыдущего.

Там хранились бронзовые подсвечники и лампы различных стилей, размеров и форм, они лежали вдоль плинтусов, друг на друге, покрытые пылью. Мраморные, с тонкой резьбой, а также костяные, серебряные и прочие пепельницы. Серая от времени гипсовая балерина стояла на крышке шкафа – Марк установил скульптуру так высоко, чтобы Хомяк, когда он гостил у отца, не смог её достать ни при каких обстоятельствах. По стенам комнаты висели картины в рамах, фотографии без рам, повсюду валялись павлиньи перья, перламутровые раковины, японские куколки с круглыми деревянными головами. Немецкие куклы в пыльных нарядах с мёртвыми фарфоровыми лицами. Богатства были уложены в три, а то и в четыре слоя на подоконнике, на полках, в углу, на столе, под кроватью и на прикроватной тумбе. Если Хомяк разбивал здесь какую-нибудь вещицу, старуха никогда этого не замечала.

Чтобы попасть в комнату Марка, нужно было пройти по небольшому тёмному коридору, где никогда не работала люстра. Три рельефные чёрные трубы изгибались на уровне двери и, прободав косяк, уходили внутрь залы. Белая венецианская маска висела под самым потолком в дальнем конце прихожей и пристально наблюдала за каждым движением гостя.

Любой, кто попадал в комнату Марка, на несколько секунд замирал от изумления. Возле стены, напротив входа, стояла большая фаянсовая ванна благородного тёмно-синего цвета. Именно к ней ползли трубы, идущие из коридора. У ванны имелся кран-смеситель, а рядом стояла прибитая к полу специальная деревянная приступочка – чтоб удобнее было залезать.

В жаркую лёг он купальню и чистым вином опьянился,
И через это вошёл в вечно холодный Аид.

Однажды Марк написал диссертацию сыну владельца фирмы, которая занималась отделкой санузлов и установкой сантехники. Вместо оплаты Марк потребовал, чтобы ему провели воду прямо в комнату и создали здесь самую современную эпикурейскую купальню.

– Понимаешь, – говорил он Маше, – мы со старухой никак не могли поделить эту часть квартиры. Сортир ещё куда ни шло, там она подолгу не сидит, но ванна... Бабка несколько раз в неделю слушала музыку, лёжа в пене по самые уши! Это, правда, прекратилось, когда у неё начались проблемы со зрением, но к тому времени ванна – ха-ха! – уже стояла. Нельзя же вечно чистить зубы на кухне! Ну и прочее, знаешь ли...

«Прочее», Маша догадывалась, были, конечно, женщины. Женщины – существа чисто-плотные, иногда им нужно мыться. Старуха, плотно засевавшая в ванной комнате, сделалась серьёзным препятствием для счастливой личной жизни Марка. И препятствие это он устранил одним прекрасным летом, предварительно согласовав с хозяйкой свой план.

– Она покочевряжилась и сдалась, – говорил Марк. – Мировая бабулька, бунтарка.

Забавно, что, установленная в начале девяностых, Маркова купальня пережила уже четвертого начальника ЖЭКа, а также несколько официальных визитов государственных комиссий, присланных осматривать объект. Бабку и Марка пока ещё спасало то, что квартира находилась на первом этаже.

Рядом с ванной стояла широкая деревянная тахта со спинкой и дорогим пружинным матрасом, сделанным на заказ. Ванна и матрас были здесь самыми богатыми элементами мебели. На мягком коричневом покрывале с длинным ворсом валялись подушки разной величины и формы. К изголовью своего лежбища Марк прицепил светильник с гибкой шеей – такие продаются в ИКЕА и крепятся к любой выступающей поверхности.

Над спальным местом возвышалась сложная система разномастных полочек: одна выдвижная, чтобы можно было ставить туда ноутбук и работать, лёжа на тахте. На второй стояла посуда – несколько тарелок и столовые приборы. Рядом хранились коробки хлопьев и пакет пастеризованного молока – минимум еды, чтобы хозяин комнаты мог обедать, не вставая с кровати.

На этом свободное пространство комнаты заканчивалось. Остальное место в ней занимали книги. Их было несметное множество, и Маша догадывалась, что большая часть зарплаты Марка уходила на пополнение книжной коллекции. Неизменная сырость, стоявшая в «кабинете» из-за пресловутых сантехнических изысков, не способствовала идеальному состоянию библиотеки, но Марк и не стремился к идеалу.

Вдоль длинной стены стоял огромный, забитый разноцветными корешками стеллаж. Марк принёс его из одного учреждения – попросту присвоил. Некая организация в середине девяностых затеяла переезд и в результате недосчиталась кое-чего из мебели: Марк провернул кражу с элегантностью одесских воришек из отечественного кинематографа. Он уговорил своего знакомого водителя, владельца грузовика, погрузить разобранный стеллаж в кузов машины и довезти груз до Колпачного переулка. Но даже этот отчаянный шаг не решил проблему переизбытка книг: библиотека медленно вытесняла своего хозяина с обжитой им территории.

Стол Марка стоял возле стеллажа, рядом с окном. На столе, под ним, а также сбоку от него, на широком подоконнике – везде возвышались стопки томов разных размеров: старых и не очень, заложенных многочисленными закладками кислотного цвета, с пёстрыми подчёркиваниями и заметками на полях. С современными изданиями Марк особенно не церемонился; если во время чтения его посещала мысль, он тут же делал пометку. Можно было наугад выдернуть любой том, открыть его на любой странице – и жизненная философия хозяина комнаты вставала перед тобой как лист перед травой.

Например, в одной книжке Марк подчёркнул: «Мимикрия есть защита индивидуальности, а не отказ от неё», а рядом ещё и накарябал карандашиком: «Хорошее оправдание для труса». Было и такое: «Гордость прикидывается высотой души» – подчёркнуто, а напротив приписано: «Смирение прикидывается низостью души. Что лучше?» В другом издании обнаружился обведённый в круговую абзац, рядом с которым на полях стояло три восклицательных знака: «За малое зло человек отомстить может, а за большое – не может, из чего следует, что наносимую обиду надо рассчитать так, чтобы не бояться мести».

Были у Марка и такие книжки, в которых он не только ничего не писал на полях – он даже заставлял гостей вымыть руки, прежде чем к ним прикасаться. Среди его залежей попадались на самом деле драгоценные экземпляры – ими Марк гордился и, пожалуй, не продал бы ни при каких обстоятельствах, даже если бы ему пришлось голодать. Чего только стоили тяжёлые книги в кожаных переплётах с тиснёными орнаментами – «Фауст» в слабом переводе Фета, зато снабжённый чудесными иллюстрациями, или «Дворянская поваренная книга» с ятями, или богатые художественные альбомы досоветского времени. Было там и «Всеобщее начертание теории искусств» Бахмана, в двух частях, издание девятнадцатого века – с полустёртыми золотыми буквами на корешке. На средней полке стоял чёрный томик с ветхим жёлтым форзацем «Тайные общества всех веков и всех стран», а рядом с ним – стопка листов, переплетённая Марком вручную, – «Нечистая, неведомая и крестная сила», авторства некоего Максимова, тоже девятнадцатый век. Имелся Шопенгауэр 1887 года, «Свобода воли и основа морали», издательство Суворина.

– Книжку люблю, а Шопенгауэра ненавижу, – говорил Марк.

Полкой ниже выстроились книги на немецком, французском и итальянском языках – на них Марк прекрасно читал и умел объясняться. Увы, в Машином распоряжении имелся только один английский. Её утешало лишь то, что английский она умела преподавать, а Марк не решался давать частные уроки, полагая, что не имеет педагогического таланта.

– Лектор и учитель – это разные вещи, – говорил он. – Я четырёхлетнего сына по-русски никак говорить не научу. А ты мне тут толкуешь про какой-то немецкий.

Марк не давал частных уроков, зато он писал диссертации на заказ и популярные статьи для скандального портала «Столица».

– Я бы давно уже был доктором наук и профессором, – сетовал он. – Если бы мне не приходилось биться за каждый кусок хлеба.

Лакиди считал себя специалистом почти во всех областях. Однажды, увлекшись, он рассказывал Маше про древних ассирийских царей.

– ...Если говорить об Ашшурбанипале, то, когда будешь искать его изображения, ты поразишься их количеству. Это, наверное, один из самых известных древних типажей, дошедший до нашего времени. Довольно схематичные огромные глаза, большая квадратная борода и треугольный торс. Эти же пропорции сохранил скульптор, который поставил современную статую Ашшурбанипала в память о первой древней библиотеке. Скульптору хорошо заплатила современная ассирийская община. Можешь ли ты себе представить – великий этнос не погиб и по сей день. Знаешь, в каком городе установили памятник?

Маша задумалась и сказала неуверенно:

– Дамаск?

Он покачал головой.

– Всё гораздо проще. Какая страна собрала в себе почти все национальности мира?

– СССР? Где-то в союзных республиках, да?

– Это Америка, дорогая моя. Памятник Ашшурбанипалу стоит в Нью-Йорке.

Потом, когда Маша наконец добралась до дома, она открыла «Яндекс» и вбила запрос – так она узнала, что памятник Ашшурбанипалу стоит не в Нью-Йорке, а в Сан-Франциско.

Ошибка выглядела негрубой, очень милой и говорила только о том, что знания, разнообразные и экзотические, жили в голове своего хозяина совершенно особой, отдельной жизнью. Маша тревожилась только о накладках, которые могли произойти у Марка во время занятий со студентами. Что, если кто-нибудь из учеников выведет лектора-полиглота на чистую воду? Когда Маша сказала об этом Марку, тот искренне развеселился:

– Да на лекции я могу лепить вообще что угодно. Они же не слушают! Меня окружает спящая мозговая масса!

И Маша догадывалась, что некогда к спящей мозговой массе он причислял и её. Она ведь тоже когда-то была его студенткой.

Он тогда вёл у их курса факультатив по углубленному изучению античной литературы – заменял нестаты приболевшего профессора Д.

Профессора Д. студенты любили. Он читал «Илиаду» по-гречески, а упоминая Плавта, переходил на латынь. На одном из занятий первые строки из «Пира» Петрония прервал звонок, а следующей лекции в исполнении профессора Д. не состоялось: он попал в больницу. На курсе ждали отмены пары, а то и вовсе – исключения факультативного курса из учебного расписания.

И вот, с опозданием на пятнадцать минут, когда студенты уже собирались покинуть аудиторию, в лекционный зал вошёл Марк Александрович Лакиди, высоченный и широченный, как шкаф, с неаккуратно подстриженной бородкой и шевелюрой оттенка перец с солью. Третьекурсники замерли на мгновение, и этого мгновения Марку вполне хватило.

– Здравствуйтесь, коллеги. Про вашу пару я узнал час назад. За час я обычно добираюсь от дома до института – если, конечно, троллейбус приходит вовремя. Как видите, я не успел даже побриться. Кому неприятно смотреть на небритого преподавателя, тому я разрешаю на моей лекции не присутствовать.

Говорил он с лёгкой картавинкой, отчего речь его приобретала мягкость и шарм. Лакиди оказался настоящим литературным монстром. Выяснилось, что цитировать латынь умеет не только профессор Д. На этой паре слушатели не скучали ни минуты: они обсуждали, какие

метаморфозы на протяжении столетий претерпела прекрасная Фортуната. В числе прочих примеров лектор предъявил студентам образный ряд Бродского и тут же, на глазах у всех, низверг поэта с пьедестала – так римские статуи падали и крошились под ударами варварских топоров.

Кроме прочего, Лакиди быстренько объяснил студентам, чем отличается склонение слов на «us» от склонения слов на «is», расчертив доску на две части, и показал заодно, что станет со словами во множественном числе. Несмотря на свои немалые габариты, Марк был способен в два прыжка перемещаться от кафедры к доске; движения его напоминали пластику крупного зверя и завораживали слушателей, может быть, даже сильнее, чем тема, которую лектор подавал с таким упоением.

Когда лёгкий поклон Марка совпал со звонком, аудитория рукоплескала. На следующую лекцию курс снова пришёл полным составом.

Однако скоро вернулся профессор Д., и ученики встретили его с не меньшей радостью.

После той лекции Марк ни разу не вёл занятий на Машинном факультете. Они пересекались в стенах учебного заведения, но никогда не разговаривали друг с другом. Если Маша случайно сталкивалась с Лакиди в коридоре или на лестнице, она здоровалась с преподавателем по имени-отчеству, но даже не мечтала заговорить с ним о чём-нибудь кроме античной литературы. А Марк признался, что вовсе не замечал девушку, потому что был близорук, а очков не носил. Он вообще никогда не запоминал фамилии чужих студентов и их лица. Как говорится, берёт свою зрительную память. По-настоящему познакомились они три года назад, уже после того, как Маша окончила институт.

Маша давно уже, сразу после окончания института в Москве, лелеяла надежду поступить в аспирантуру. Наконец она собрала документы и явилась в приёмную комиссию, но в нужном кабинете не оказалось никого, кроме Марка Александровича. Сотрудники кафедры, где работал Лакиди, были заняты переездом в другой корпус, а доцент прятался в административном крыле, дабы его не привлекли к общественно полезной работе и не заставили перетаскивать тяжёлые коробки и двигать шкафы.

Марк делал вид, что кого-то замещает или ищет какие-то бумаги, а на самом деле он просто прятался за шкафом, читал модный интеллектуальный роман и был совершенно счастлив, потому что в тёплый сентябрьский день никто не заставлял его заниматься физическим трудом. С должной самоиронией он поведал об этом Маше, которая сидела в кресле для посетителей возле рабочего места заведующей аспирантурой. Чем дольше она ждала, тем меньше было шансов добиться встречи с нужной сотрудницей.

Маша тогда ответила Марку, что её отец делал точно так же, когда не хотел участвовать в шумных кафедральных делах. Марк тут же поинтересовался, где работает Машин отец, и ей пришлось представиться.

К Машиному удивлению, Марк довольно быстро отбросил книгу и заявил, что в такую прекрасную погоду, как сегодня, грех сидеть в пыльном помещении. Доцент чуть ли не силой увёл девушку из административного крыла. Он вытащил Машу на свежий воздух и со свойственным ему пафосом воскликнул, что красивая женщина не должна думать ни о какой аспирантуре.

Окончательно забыв про служебные обязанности, Марк два с половиной часа водил её по московским дворикам и бульварам. Они прошли пешком всю Таганку, Хитровку и Маросейку, Марк упивался собственным красноречием, а Маша слушала.

Документы в тот день она так и не подала. А после мечты о научной карьере и вовсе отошли на десятый план.

Но сегодня, третьего января, Марк по большей части хмурился и молчал. Новогодний праздник не клеился, хотя, казалось, всё было на месте: Маша привезла фрукты, сварила кофе, зажгла свечи. Получила от любимого мужчины подарок, антикварную серебряную подвеску с нефритовой вставкой.

Марк чувствовал себя неважно. Ночью у него поднялось давление, а нужных лекарств в доме не оказалось. Уже два дня он боролся с ощущением подавленности: занавесил шторы, долго лежал, поджав колени к животу, засыпал тревожным сном; просыпаясь, заставлял себя читать. О том, чтоб выйти на прогулку, не могло быть и речи; уличный шум усиливал чувство тревоги. Маша знала, что Марк переживает подобные периоды, когда приближается очередной срок оплаты за комнату или когда Хомяк подолгу живёт у Лены. Очевидно, сегодня сыграло и то и другое. Монографию, которую Марк писал на заказ последние полгода, ему пока ещё не оплатили, а новые дополнительные заработки никак не появлялись.

– У древнего грека была защита от нестабильности, она называлась судьба. У средневекового человека имелаась другая защита и оправдание – Господь Бог. – Марк раздавил окурочек в бронзовой пепельнице. – А у меня эта защита приняла образ... ну просто ничтожный: сумасшедшая старуха за стенкой. Потому что, если она помрёт, мне отсюда придётся выметаться. И наступят чёрные времена.

Выметаться вместе со своими книгами и с ванной, подумала Маша.

– Хочешь, будем жить вместе?

Она всё ещё лежала на тахте, среди подушек, укрытая колючим верблюжьим одеялом.

– Я могу прописать тебя в Королёве, – наконец-то вслух было сказано то, о чём она думала очень давно, но предложить не решалась.

Прошло несколько секунд; кажется, весь дом замер в ожидании ответа.

– Меня – прописать в Королёве? – Голос Марка неожиданно дрогнул. – Зачем?

– Чтоб тебе не было так тревожно, – быстро ответила Маша. – Чтобы было куда податься, если вдруг старуха помрёт. У тебя же нет московской прописки.

Марк нервно смял сигарету.

– Вот это всё, – он обвёл глазами комнату, – это всё перевезти к тебе в Королёв?

– Зато мы будем вместе. А вместе всегда легче.

– О чём ты говоришь? – Марк нервно ходил от окна к двери и обратно. – Я же родом из чёртовой дыры, ты не забыла? И теперь я должен оставить Москву?

Он сел на тахту, огромный и взъерошенный. Теперь его лицо находилось в тени. Когда Марк волновался, его руки двигались бессознательно: кисти сжимали друг друга, пальцы сплетались и расплетались, выискивали мелкие заусенцы возле ногтей.

– Ты не понимаешь! – воскликнул он. – Твой городок... Да он все жилы из меня вытягивает!

Он говорил, говорил, и остановить его было уже невозможно. Марк сказал, что Королёв напоминает ему восьмидесятые годы, когда магазины работали до семи, дворники пили как черти, а транспорт был редкостью. Что осенью и летом там ещё можно жить, но зимой... Что недавно ему снился кошмар, в котором его комнату атаковали то ли мертвецы, то ли космонавты с той самой мозаики, которая считалась гордостью Королёва и украшала главную площадь города.

– Ты это как вообще себе представляешь? – Он говорил, а Маша только куталась в одеяло и молчала. – У меня тут, между прочим, книги. Да твой Петька в первый же день разложит свою еду на столе, а страницами из Сытина вытрется, как салфетками.

Машина одежда валялась где-то на тахте. Нужно было только включить верхний свет и хорошенько поискать – но она не хотела, чтобы Марк видел её лицо. Она начала по очереди сбрасывать на пол подушки.

– Кончай истерику, Иртышова! – выкрикнул Марк.

К горлу подкатывал комок, в глазах щипало. Как это некстати, подумала Маша. Как некстати. Нервы никуда не годятся.

Колготки Маша выудила из-под тахты, юбку – стянула с кресла, она висела там, укрытая тёмно-бордовой футболкой Марка. Возле двери нашла свою сумку и подхватила её за ремешок. Огляделась. Больше в помещении Машиных вещей не было.

– Я тебя провожу, – слышалось со стороны окна.

Марк даже сейчас пытался выглядеть галантным. Возражать ему было нельзя. От Маши требовалось сцепить зубы и выйти вместе с ним на улицу. Молча, вместе с любимым мужчиной, выкурить по сигарете. Произнести несколько ничего не значащих слов – а может, даже коротко пошутить. Чувствовать, как дым, который он выдыхает, доплывает по воздуху до Машиного дыма и перемешивается с ним.

Только отработав этот ритуал, можно было наконец-то сесть в машину и отчалить от поребрика (опять это словечко!). И проглотить подлый комок, застрявший между нёбом и корнем языка. Твёрдый, колючий комок, солёный на вкус.

Глава 6

– Что-то случилось, Марья Александровна? – спросил Алёша, когда она только появилась в прихожей.

– Почему ты так решил?

Алёша пожал плечом и нахмурился.

– Не знаю. Показалось. – Он взглянул на Машу и добавил: – Вы какая-то уставшая.

Уставшая – не то слово, подумала Маша и передала Алёше пальто. Она вовсе не рассчитывала, что вчерашнее празднование Нового года у Марка обернется ночной дорогой обратно, в Королёв. Хорошо, что урок они с Алёшей назначили на одиннадцать, а не на десять утра, как поначалу предложила Маша.

– Марья Александровна, дорогая, с Новым годом вас! – В прихожей мелькнула Светлана Павловна, Алёшина мама. – В перерыве милости прошу к столу.

Учительница вздохнула и прошла в комнату. Отказать Светлане Павловне было невежливо, но сегодня Маша очень рассчитывала улизнуть от светской беседы. Алёшина мать непостижимым образом умела создавать вокруг себя суетливость и беспокойство.

По счастью, лишних разговоров удалось избежать. Во время перерыва, пока Светлана Павловна беседовала по телефону в другой комнате, Маша успела быстро натянуть на ноги сапоги и сдёрнуть пальто с вешалки.

Маша никогда не начинала второй урок не дав ученику, да и себе тоже, как следует проветриться. Вот и сейчас она немного потопталась возле подъезда. Выкурила последнюю сигарету из пачки. Обогнула двор по дуге и на обратном пути заглянула в аптеку, чтобы купить успокоительное. Сегодня ночью выяснилось, что в Машиной домашней аптечке нет даже корвалола.

А потом Алёша сказал ей очень странную вещь. Случилось это настолько неожиданно, что учительница на какое-то мгновение растерялась. Впрочем, Маша умела хорошо маскировать смущение. С какими только курьёзами она не сталкивалась за восемь лет работы.

Вернувшись с прогулки, она даже не успела нажать на кнопку звонка: Алёша распахнул дверь прямо перед её носом, будто бы точно знал, в какую секунду учительница поднимется на этаж. Вполне вероятно, он подглядывал за ней в глазок. Маша так и спросила его:

– Подкарауливал, что ли?

– Нет, конечно. Просто умею вас чувствовать.

– Что значит «умею»? – удивилась Маша.

Алёша засмеялся.

– Я как собака. Всегда знаю, когда вы к двери подходите. Ни разу ещё не ошибся.

– Так ты, значит, медиум! – Она подала мальчику пальто и, опираясь о табуретку, стянула с ног сапоги. – Тебе нужно тренировать интуицию.

Алёша повесил Машину одежду на вешалку и обернулся. Лицо его выглядело серьёзным.

– Бесполезно. Я только вас умею чувствовать, Марья Александровна.

Ну ты и ляпнул, подумала Маша. И что я должна тебе на это сказать? Не дай бог, влюбишься в меня, что тогда?

Но остальная часть урока прошла ровно. Ученик больше не подавал никаких поводов для тревоги. Маша успокоилась и даже посмеялась над собственной мнительностью. Ну что же, говорила она себе, посещать Алёшу ей придётся теперь гораздо реже. Родителям не терпелось вернуть ребёнка в класс, а значит, Машины визиты в следующие полгода будут связаны только с репетиторством: три часа в неделю для занятий русским и литературой, полтора – на подготовку к ЕГЭ по истории. Алёшино здоровье к концу года выправилось, и со второго полугодия из надомника он становился обычным учеником.

Алёша был на полголовы выше своей учительницы. Его непропорционально длинные конечности двигались как-то разлаженно, словно крепились к телу с помощью шарниров. Шея его, худая, с отчётливо выпирающим адамовым яблоком, сама собой вытягивалась вперёд, как у африканской газели, а на шее сидела нелепая прямоугольная голова со светлыми волнистыми волосами. На высоком лбу рельефно выступали лобные бугры. Подбородок тоже лез вперёд – казалось, изнутри этого лица рвалось наружу нечто такое, что невозможно было скрыть, да молодой человек уже и не скрывал. Алёшина некрасивость уравнивалась очень спокойным взглядом зеленоватых глаз за толстыми стёклами очков. Светлана Павловна покупала сыну очень стильные оправы; лицо в этих очках как бы смягчалось, становилось простым, домашним, одним словом – никаким. Казалось, Светлана Павловна прилагала особые усилия, чтобы создать для Алёши образ, делающий её ребёнка незаметным настолько, насколько это возможно. Добротные вещи, которые она ему выбирала, были весьма скромного покроя и неброских оттенков – серого, песочного, тёмно-синего. Материнская попытка замаскировать Алёшин непростой характер выглядела трогательно, но смысла не имела: Маша знала, что этот мальчик никогда не походил и не будет походить на других детей.

В июне Алёше уже исполнилось девятнадцать, и он был самым старшим мальчиком в 11-м «А» классе. Целый год Алёшиной учёбы пропал впустую, так как в девять лет он перенёс операцию на сердце и остался на второй год. Но после коррекции врождённого порока Алёшины беды не кончились. В четырнадцать он, маленький и щуплый, начал быстро расти. «Гормональная перестройка организма» – так говорят медики о подобных переменах. К проблемам с сердцем, которое, со слов врачей, не поспевало за ростом скелета, добавились проблемы с суставами, и ребёнку поставили диагноз «ревматоидный артрит». У мальчика дважды в год опухали колени, а в прошлом году впервые заболело тазобедренное сочленение – на снимке обнаружили воспалительный выпот, и врачи настаивали на щадящем режиме. Мальчику назначили гормоны, и несколько месяцев назад воспаление успокоилось; осталась только лёгкая хромота, почти не заметная глазу.

Незаметная, потому что молодой человек и без того был угловат и неловок, а может, он просто выглядел так в большой старомодной квартире своих родителей, где даже мебель подобралась приземистая. Например, в зале рядом с низеньким пузатым комодом стоял лакированный журнальный столик на гнутых ножках. Кому сейчас нужны журнальные столики, кто читает за ними газеты?

Алёшин папа, Владимир Львович, – читал.

Владимир Львович, лысый, полноватый господин в возрасте далеко за шестьдесят, походил на флегматичного буржуа со старых советских карикатур. Однако это было всего лишь ширмой. Маша смотрела на рыхлое лицо с мешками по контуру нижних век, на блестящую лысину и выпирающий из-под пиджака грушевидный живот. Её невозможно было обмануть: за внешним благодушием скрывался властный человек с консервативными взглядами, привыкший держать под контролем всё и вся. Впервые она увидела настоящее лицо Алёшиного отца, когда они беседовали в так называемой библиотеке, где находилось рабочее место главы этой семьи.

Библиотека! Нет, комната Владимира Львовича не имела ничего общего с мемориальным кабинетом Машиного дедушки – всё здесь оказалось непродуманно, неудобно и устроено напоказ. Но Маша поняла главное: в общем пространстве квартиры имелась отдельная территория, принадлежащая только этому мужчине и больше никому.

Алёшин отец, несмотря на почтенный возраст, был крупным начальником на московском заводе, производящем металлические конструкции. Завод этот пережил тяжёлые времена и всё-таки удержался на плаву как в конце восьмидесятых, так и в девяностые. Владимир Львович, не желавший сдавать свои позиции молодым соперникам, работал много и редко бывал дома. Пожилой мужчина был женат вторым браком. Первая его жена умерла, у неё не выдер-

жало сердце – а может, Владимир Львович попросту сжил её со свету, такая мысль пришла к Маше, когда она получше присмотрелась к отношениям в семье Девятовых. Светлана Павловна, женщина мягкая и покладистая, родила Алёшу в сорок пять и всю жизнь пыталась оградить своего занятого по службе мужа от проблем с больным ребёнком, обихаживая того и другого наподобие прислуги.

Устав школы, в которой работала Маша, запрещал педагогам вести ученика-надомника и одновременно натаскивать его на ЕГЭ, получая при этом от родителей оплату сверх той, что полагается по рабочему коэффициенту. Репетиторство во все времена являлось для учителя одним из способов дополнительного заработка; главное, было не брать денег с тех детей, у которых ты ведёшь уроки согласно школьному расписанию. Преподаватели обычно помалкивали о своих доходах, и Маша не припоминала случаев, чтобы нарушителей лишали специальных выплат или увольняли. И всё-таки Маша, согласившись готовить Алёшу к ЕГЭ, на всякий случай попросила Светлану Павловну не рассказывать другим родителям об их сотрудничестве. Светлана Павловна скрепя сердце пообещала. Хотя сама, конечно, то и дело забывала о своём обещании и в случайных беседах не упускала возможности похвастаться перед друзьями: не в каждой семье работает репетитором внучка академика.

Именно Машина фамилия сыграла важную роль в выборе, сделанном Алёшиными родителями.

Владимир Львович удивлённо вскидывал брови и причмокивал губами, когда листал бумаги и рекомендации Марии Александровны Иртышовой. Особенное впечатление на него произвели три удостоверения (в народе их называли сертификатами), согласно которым выходило, что Маша является экспертом по Единому государственному экзамену не только по русскому языку и литературе, но также по истории.

Правда, по истории Маша уже год как не проходила аттестацию (да и само удостоверение она получила только лишь благодаря счастливому стечению обстоятельств), но Алёшиному отцу вовсе необязательно было об этом знать.

– А позвольте полюбопытствовать... – церемонно начал Владимир Львович. – Не имеете ли вы какое-то отношение к тому самому Иртышову... Знаете ли, был такой академик.

– Имею, – улыбнулась Маша. – Академик Сергей Николаевич Иртышов – мой дед. А Николай Иванович Иртышов – прадед.

– Ну и ну... – протянул Владимир Львович. – Вот уж никогда бы не подумал...

И тут же осёкся, натолкнувшись на Машин вопросительный взгляд.

– Я не это хотел сказать... – Он попытался исправиться, но не настолько, чтобы Машина первоначальная реакция полностью пропала. – Расскажите мне про вашего прадеда.

Маша на секунду задумалась. Из богатой на события биографии Николая Ивановича Иртышова ей следовало выбрать главное и сказать это так, чтобы собеседник не заподозрил правнучку великого человека в высокомерии.

О прадеде Николае Ивановиче легко можно было узнать из статьи в Википедии. Там говорилось, что родился он в конце позапрошлого века в городе Кунгуре Пермской губернии. Что отцом первого в их роду академика был обычный сельский врач. Окончив Пермскую мужскую гимназию в 1876 году, Николай Иванович поступил на медицинский факультет Московского университета, где уже к 1907 году стал профессором кафедры анатомии с микрографией. Потом прадед перевёлся в Петербург... Нужно ли объяснять Владимиру Львовичу Девятову, что такое микрография?

О научной деятельности Машиного прадеда электронная энциклопедия говорила следующее:

Один из основоположников советской гистологической школы. Изучал реакции тканей на рентгеновское излучение. Основные работы касаются патологии тканей, развившихся из нервной трубки. Особое внимание уделял роли сигнальных молекул в образовании нейроэпите-

лия и нейрональных стволовых клеток. При участии Н. И. Иртышова в 1908 году в Санкт-Петербургском женском медицинском институте был открыт первый рентгенологический кабинет.

– Он занимался строением тканей, – сказала Маша Девятову-старшему. – Изучал генетические аномалии.

Алёшин отец удовлетворённо кивнул: на заданный вопрос Маша ответила правильно.

– Не ожидал, что наследница такой фамилии будет работать в простой московской школе. – В интонации Владимира Львовича всё ещё проскальзывало недоверие. – Что послужило причиной сего любопытного поворота?

Маша привыкла к расспросам и имела целый набор ответов, помогавших ей отвертеться от необходимости говорить правду.

– Всю жизнь мечтала учить детей, – сказала она. – Моя семья пошла мне навстречу.

Владимир Львович глубокомысленно вытянул губы в трубочку, всем видом выражая уважение и понимание.

– Да вы настоящий подвижник, – сказал он, и Маша не поняла, иронизирует он или говорит серьёзно. – Ваши сертификаты меня впечатлили. Можете приступать к работе. Мы будем платить вам за часы, которые вы потратите на Алёшу сверх той нагрузки, что полагается вам по графику занятий с детьми, которые учатся на дому. Думаю, это будет справедливо. Вам ведь за нашего сына уже платят какие-то надбавки?

Подобные беседы с родителями новых учеников стали для Маши делом привычным. Одни пытались устроить ей внутренний экзамен и проверяли уровень её знаний. Другие приглашали на продолжительный разговор и проводили что-то вроде конкурса на должность няни или гувернантки. Мама одной девочки даже составила тест на пятьдесят два вопроса – она хотела знать о репетиторе всё, включая хронические заболевания и график на основном месте работы. Заполнять ту анкету Маша не стала и оплату за пробное занятие не получила. Маша помнила, как она тогда расстроилась из-за потерянного времени и денег, в которых остро нуждалась.

Зато Алёшины родители хорошо знали Машу безо всяких анкет, и договориться с ними оказалось гораздо проще.

Обстановка Алёшиной комнаты, угловой и очень светлой, была хорошо продумана. Плотные римские шторы песочного цвета днём всегда были подняты, а вечером – опущены. На столе в левом углу стояла лампа, бежевый абажур с дверцей, которая открывалась и закрывалась, превращая рабочий осветительный прибор в ночник.

Рядом с большим столом, вернее прямо под ним, находился второй, лёгкий и мобильный, оснащённый колёсиками. Наклон столешницы изменялся вращением винта сбоку от крышки. Функционально управляемую парту сделали на заказ: Светлана Павловна объясняла, что именно такая парта нужна ребёнку с большими суставами. Алёшино кресло тоже было произведением ортопедического искусства. Иногда Алёша уступал его учительнице. Она опускалась туда, откидывала спинку и поднимала подставку для ног: по стопам сразу же разливалась приятная тёплая волна. Такая конструкция, со слов Светланы Павловны, «идеальна для разгрузки межпозвоночных хрящей и профилактики остеохондроза».

На стенах Алёшиной комнаты висели полки с книгами; возле входа стоял книжный шкаф, а в углу – кровать с тёмно-коричневым покрывалом.

– А я их выкинул, – сказал мальчик, когда Маша спросила его про старые детские игрушки. – Как вернулся однажды из больницы, как посмотрел на всё это... На машинки всякие... Так они меня раздражать стали, вы не представляете. А картину правильную, чтобы на стенку повесить, я ещё не нарисовал.

За свою жизнь Маша повидала много жестоких шуток природы. Алёшин талант был одной из них. Ребёнок с раннего возраста прекрасно рисовал, но отчётливее всего дарование

проявилось в восемь-девять лет, когда мальчик перенёс первую операцию. Светлана Павловна, чтобы развлечь сына, принесла ему в больницу пособие по рисунку карандашом «Как нарисовать лошадь». Мать выбрала подарок почти машинально, но, по-видимому, выбор этот оказался не случайным.

Светлана Павловна сама была выпускницей МАРХИ и в ранней юности, если верить преподавателям из института, довольно сносно рисовала акварелью. Об этом Алёшина мама часто рассказывала Маше, словно бы оправдываясь за свою блёклую, ничем не примечательную жизнь. Она училась в институте и жила в однокомнатной квартире с тяжелобольной матерью, ухаживать за которой пришлось без малого двадцать лет. В таких условиях ни о каких акварелях не могло идти и речи – Алёшина мама с горечью и гордостью повторяла, что свои лучшие годы она добровольно посвятила служению близкому человеку. Ей повезло: когда она познакомилась с Владимиром Львовичем, несчастной матери уже не было в живых, а сама Светлана Павловна дослужилась до хорошей должности заместителя директора одного подмосковного художественного музея. Своё позднее замужество Светлана Павловна благословляла в молитвах. Она и думать забыла, что когда-то бегала по Москве с этюдником.

О своих давних попытках освоить рисование мать вспомнила в книжном магазине, когда решила купить сыну что-нибудь развлекательное.

Пособие «Как нарисовать лошадь» маленький Алёша принял с восторгом. Через несколько дней он потребовал продолжения. Так на его больничной тумбочке образовалась внушительная стопка выпусков этой серии: «Как нарисовать человеческую фигуру», «Как нарисовать голову» и прочие. Ребёнок с завидным упорством заполнял альбомные листы, количество которых, к потрясению родителей и больничного персонала, становилось всё больше и больше.

Мальчика давно уже выписали из больницы, а на полках его книжного шкафа появлялись всё новые и новые учебники: «Свет и тень», «Основы учебного академического рисунка», «Техника живописи». Главное место в комнате занял этюдник – пока ещё хлипкий, фанерный, мальчик купил его на собственные деньги, вызволенные из брюха старой свиньи-копилки. Стало понятно: Алёша нашёл своё место в жизни. Вернее, это стало понятно только ему самому, но не Владимиру Львовичу. Отец считал рисование бесперспективным и, главное, малооплачиваемым занятием.

Любимой Алёшиной техникой была графика, но, когда он показал свои работы профессионалам, ему было сказано, что на одной графике далеко не уедешь. Дескать, если хочешь получить высшее художественное образование, нужно подтягивать и другие техники – акварель, масло. Когда родители услышали об Академии художеств, дома грянул скандал. Владимир Львович выбрал для сына совсем другую профессию.

– Нас с матерью скоро не будет! – кричал он. – Сколько нам осталось? Десять лет? Пятнадцать?

– Пап, ну к чему эти расчёты? – мягко возражал сын, но Владимир Львович, захлёбываясь гневом, подходил к сыну вплотную и кричал прямо в лицо. На Алёшиных щеках оседали тёплые брызги родительской слюны.

– К чему?! – гремел Владимир Львович. – У моего сына должна быть блестящая профессия. Денежная! Уважаемая.

– Пап, хороших художников тоже уважают, – пытался возражать Алёша и, отвернувшись, тихонько стирал ладонью тягучие капли.

– Уважают? Да после смерти их только и уважают, дурья твоя башка! – Отец махнул рукой. – Есть у меня прекрасное знакомство в Дипломатической академии. Закончишь вуз, пойдёшь на службу, а там, знаешь... Хоть рисуй, хоть чечётку бей.

Переубедить отца было невозможно. Словосочетание «Дипломатическая академия» превратилось в Алёшино проклятие, и он вскипал каждый раз, когда Владимир Львович заводил разговоры о высшем образовании.

– Володя, – говорила Светлана Павловна мужу, – посмотри, у ребёнка снова тахикардия.

– У него всегда тахикардия! – бушевал отец. – А у меня, между прочим, давление. Могли бы побережь отца, уже недолго осталось!

Владимир Львович был гипертоником. Светлана Павловна однажды поделилась с Машей опасениями насчёт его здоровья и рассказала, что на плановом обследовании его головного мозга выявилось несколько микроинсультов, которые мужчина, возможно, несколько лет назад перенёс на ногах.

Тогда Светлана Павловна предложила сыну соломоново решение: пусть отцу кажется, что мальчик во всём соглашается со старшими и готовится к своей будущей работе в министерстве. В награду за это Светлана Павловна из личных средств обещала оплатить Алёше частного учителя рисования, самого лучшего, какого только можно было найти. Она обещала ненавязчиво, исподволь вести с Владимиром Львовичем разговоры об Алёшином будущем и в этих разговорах отстаивать исключительно Алёшины интересы. Возможно, женщина искренне верила в то, что сможет повлиять на своего мужа, и Владимир Львович, сменив гнев на милость, рано или поздно даст Алёше отцовское благословление. А может, она просто надеялась, что сын вырастет и передумает.

Оплату подготовки к экзаменам в вуз Алёшиной мечты мать тоже брала на себя. Большим достижением она считала свою лучшую находку, Машу, репетитора сразу по трём необходимым предметам – русский, литература и история.

Учитель рисования тоже нашёлся. Николая Фёдоровича Кайгородова знала вся неофициальная художественная тусовка Москвы и Петербурга, но Алёша обращался к нему просто: «Дядя Коля». Впрочем, это прозвище было известно гораздо шире, чем настоящая фамилия художника, и даже Маша, которая плохо разбиралась в современном искусстве, раньше не слышала о «дяде Коле – звезде московского подполья».

Это был изжелта-смуглый, когда-то темноволосый, а сейчас полуседой мужчина с бородой и жёсткими, сбитыми в плотный колтун волосами. В ухе у дяди Коли болталась серебряная цыганская серьга. Человек он оказался ещё не старый, но основательно потрёпанный неудачами и искалеченный тягой к выпивке. Побороть эту тягу не смог ни он сам, ни врачи, поставившие Кайгородову на сороковом году жизни диагноз «цирроз печени». На уклад дяди-Колиной жизни этот диагноз никак не повлиял, разве что среди его любимых тостов появился ещё один: «Ну, за цирроз!»

Светлана Павловна помнила дядю Колю ещё по своему прежнему, подмосковному бытованию, когда молодой художник только начал покорять московскую богему. Музей, где Алёшина мама работала в молодости, приобрёл несколько дяди-Колиных работ, и мастер иногда заглядывал к Светлане Павловне на службу, как будто в гости. Может, он надеялся, что музей раскошелится и купит у него стилизованный городской пейзаж. А может, мужчине просто нравилась Светлана Павловна, тогда ещё стройная, русоволосая девушка с короткой толстой косой и мягким выражением серо-зелёных глаз. «Эх, какая она была, твоя матушка! – говорил Алёше дядя Коля, взмахивая руками, словно пытаясь что-то вытянуть из воздуха. – Рисовать её нужно было, вот что!»

Наверное, в недрах кайгородовской мастерской где-нибудь валялся портрет молодой Светланы Павловны – вот только невозможно было отыскать нужную вещь в пыльном помещении, снизу доверху заваленном холстами и гипсовыми фигурами. Здесь дядя Коля не жил, а только трудился. Ночевать он уходил на станцию Сокол, в однокомнатную, которая досталась ему по наследству. В мастерской художник не мог уснуть, здесь его мучительно одолевала неоконченная работа.

Неожиданно для всех Алёша и дядя Коля подружились. Кайгородов даже сделал мальчику ещё один ключ от своей мастерской, чтобы ученик мог приходить туда и упражняться в технике, когда у хозяина случались внезапные «проблемы со здоровьем», попросту говоря, запой.

– Посмотри на своего Кайгородова! – сердился Владимир Львович. – Вот тебе типичный представитель так называемых людей искусства. Тоже хочешь быть таким?

Но Алёша год за годом упорно приходил в мастерскую.

Он обзавёлся новым этюдником, уже не фанерным, а настоящим.

Видавшая виды деревянная конструкция на фоне остальных предметов Алёшиной комнаты выглядела очень архаично и напоминала Маше средневековую дыбу. Этюдник стоял на таком расстоянии от окон, чтобы Алёше было куда установить тумбочку для модели. На тумбочку он водружал сперва ступеньку с драпировкой, а после и саму модель – чайник, стакан, рюмку. Алёша учился работать и акварелью, и акрилом, и маслом – Светлана Павловна часто проветривала его комнату, пытаясь избавиться от горьковатого душка с рыбным привкусом. Так пах льняной концентрат, составная часть масляных красок, – и Алёша радовался, что на этот запах, в отличие от многих других, у него не было аллергии.

Трудности начались, когда у Алёши заболели суставы. Поездки в мастерскую на общественном транспорте превратились в непростое испытание. Стоять возле домашнего этюдника во время обострений стало невозможно, а функциональная парта, купленная для занятий, в положении лёжа не давала Алёше необходимый наклон и обзор. Писать предметы он мог теперь только в несколько заходов, и при этом, с его слов, терялось всё: настроение, освещение, чувство формы. Отношение родителей к трудностям сына удивило Машу.

– Ничего, помучается и плюнет, – бросил через плечо Владимир Львович, когда учительница заглянула в гостиную – переговорить о здоровье ученика.

– Мы что-нибудь придумаем, – пообещала Светлана Павловна и мягко, но настойчиво выпроводила Машу в коридор.

Одиннадцатый класс стал для Алёши переломным. Здоровье его неожиданно выправилось; возможно, главную роль сыграли гормональные препараты и физические упражнения, которые Алёша упорно делал каждый день. В первом полугодии ученик без особых усилий получил твёрдые пятёрки по всем предметам. Когда Маша посмотрела результаты предыдущих лет, ей стало ясно, что Алёша тянет на медаль. Ценность школьной медали по сравнению с прежними временами оказывалась неизмеримо меньше (всего-то несколько дополнительных баллов при поступлении в вуз), но Маша понимала, что в некоторых случаях даже такая мелочь имеет значение.

Режим прежнего Алёшиного обучения вполне устраивал как Машу, так и классную 11-го «А» Анну Сергеевну Горячеву. Тем сильнее Маша была удивлена желанию Алёшиных родителей вернуть сына в коллектив во втором полугодии выпускного класса.

– Зачем слабому ребёнку ещё один стресс? – спросила Маша у Горячевой ещё в декабре. Завуч уставилась на неё в недоумении.

– Вы что, Мария Александровна, против здоровой социализации детей?

Маша не была против. Она просто боялась за Алёшино здоровье.

– Ну, знаете, – сказала Горячева, – как родители решат, так и сделаем. Им всё-таки виднее.

Возможно, Светлане Павловне и Владимиру Львовичу многое было действительно виднее. Они прекрасно понимали, что на посещение школы у Алёши уйдёт гораздо больше времени и сил, чем на занятия сходящими учителями. Откуда мальчик возьмёт дополнительные часы? Конечно же, ради успешной сдачи экзаменов ему придётся пожертвовать уроками рисования.

Понимал это и сам Алёша. Однако его настрой Маше понравился. Молодой человек сказал, что художник обязан знать жизнь, и не вечно же ему сидеть взаперти.

– Вот, – почти удовлетворённо буркнул Владимир Львович, услышав Алёшин ответ. – Мужик растёт. А не какая-нибудь там... Орхидэ́я.

И Маша успокоилась. Она подумала, что, наверное, в каждой человеческой судьбе всё происходит так, как нужно, – и тогда, когда нужно. Значит, настало время Алёше вернуться в свой класс. К тому же – она знала это по себе и находила тому немало подтверждений – последний год учёбы для ребят очень часто становится самым интересным, самым запоминающимся. Может, и у Алёши всё сложится так же.

– Если вдруг в школе начнутся какие-то трудности, – сказала она ученику на прощание, – или что-нибудь окажется непонятно, можешь всегда обратиться ко мне.

– Ладно, – улыбнулся Алёша. – Но вы же придёте в следующую пятницу?

Он стоял возле своего этюдника и смотрел на Машу – шея чуть вытянута, взгляд устремлён вперёд.

– Куда от тебя денешься, – вздохнула Маша. – Приду.

Глава 7

Маша немножко знала этот городок, который раньше назывался Загорском, а сейчас носил красивое старое название – Сергиев Посад. Он рос вокруг лавры, как пристройки вокруг хутора; жизнь здесь стекалась к главной улице, которая в новых посадских реалиях сохранила советское название – проспект Красной Армии. По обе стороны проспекта стояли двух- и трёх-этажные здания конца девятнадцатого – начала двадцатого века. Дороги в Посаде были разбитыми, и поэтому Маша ставила машину на стоянку возле монастырского комплекса.

Они с Ирккой шли по аккуратно расчищенной тропинке – к храму.

– Когда ты, Маруся, наконец найдёшь себе нормального мужика? – тараторила Ирка. – Сильного, энергичного. Вот Марк твой, он кто? Трепло и больше ничего. А надо, чтобы мужик всё для тебя делал, поняла? Ты подумать ещё не успела, а он уже р-раз – и принёс на блюдечке с каёмочкой. Вот что ты всё смеёшься? Смейся-смейся! Я сегодня обязательно свечку за тебя поставлю. Николая Угодника попрошу, чтоб тебе в этом году повезло. И вот увидишь, всё будет, как я сказала.

Ирка говорила совершенно серьёзно.

– Тебе надо было выйти замуж за китайского императора и каждый год штамповать ему наследников, – парировала Маша. – А сама вышла за простого парня.

– Ой, не могу. Императора! – Ирка хихикнула и поправила платок. – А тебе, дорогая моя, давно пора родить второго. Доченьку надо родить, поняла? И не от придурка этого, а от молодого и здорового мужика.

Цель Иркиного приезда в лавру была незамысловатой. Два месяца назад она сделала аборт, и, хотя не сомневалась в том, что поступила правильно, для полного спокойствия ей всё-таки требовалась беседа с батюшкой, пусть даже непродолжительная.

Это был не первый Иркин аборт. Жизненная сила, заложенная в неё природой, кроме прочего, проявлялась в способности к зачатию. Дважды за последние семь лет Ирка перевязывала маточные трубы, и дважды лигатуры рассасывались, повергая в замешательство и врачей, и саму Ирку, и всю её родню.

У них с мужем уже было двое детей, десятилетний мальчик Серёжа и дочка Дашенька, четырёх лет, Машина крестница. Ирка, в прошлом секретарша в деканате, так и не вышла на службу после очередного декретного отпуска. Она вела хозяйство и получала небольшой доход со своего давнего хобби: пройдя несколько уроков у профессиональных кукольников, Ирка мало-помалу сама становилась востребованным мастером. Её приглашали вести семинары, она участвовала в выставках и время от времени брала частные заказы.

– Ну ладно, пойдём ставить свечки, – сказала Ирка. – Или сначала на исповедь?

Пахло плавящимся воском. Маша стояла неподалёку и наблюдала, как Ирка склонилась перед батюшкой. Голова подруги была покрыта фиолетовой, вышитой серебряными нитками епитрахилью. Священник что-то тихо говорил над ней – но говорил недолго. Ирка быстро выскользнула из-под накидки, сдвинула на лоб съехавший платок и, перекрестившись, направилась занимать другую очередь, к причастию.

– Ну что? – Маша участливо поддержала подругу под локоть.

– Как рукой сняло, – сказала Ирка и, заметив Машин недоверчивый взгляд, добавила: – Честно-честно. Гораздо легче.

– Ну и хорошо, – улыбнулась Маша.

Ирка замедлила шаг и краем глаза посмотрела на подругу.

– Маруся, тебе бы тоже исповедоваться... Я же вижу, как ты бьёшься, – завела она старую шарманку. – А батюшка тебе помог бы. Зря ты ушла. И к причастию не пойдёшь?

Маша вздохнула.

– Куда мне к причастию, – сказала она. – Вечером я не постилась, да и утром кофе выпила.

Ирка всплеснула руками.

– Ой, посмотрите на неё! Кофе она выпила. Я вот тоже утром кофе выпила, а ещё яичницу съела и три сигареты скурила. Пост – это же чистая формальность.

Маша улыбнулась.

– Ну конечно, формальность. – Она заправила волосы под платок и оглянулась. – Как много народу-то.

– Рождество скоро, – сказала Ирка. – Всё-таки не пойдёшь на исповедь?

Маша вышла на крыльцо, повернулась к храму и трижды перекрестилась на купола. День был пасмурный, и над крестами, в небе, затянутом однородной серой массой, крикливыми стаями летали галки.

Вдоль дорожек росли голубые ели, почти такие же, как те, что отец давным-давно принесил домой на Новый год. Маша добрела до выхода, постояла возле шахматных стен Надвратной церкви. Пилястры Надвратной оплетали неприлично большие, тщательно прорисованные фиолетовые гроздья винограда.

Она прохаживалась по расчищенным дорожкам и смотрела по сторонам. Во дворе лавры было полно народу. Большинство стояло в длинных очередях на исповедь и причастие, эти очереди тянулись вдоль дальней стены, до самых Больничных палат. Остальные паломники, прихожане и туристы бродили по территории. Особенно ярко выделялись шумные, цветные компании японцев с фотоаппаратами и живописные группы священнослужителей. Полы их чёрных одеяний развевались на ветру, лица семинаристов и служек выглядели отрешённо и непроницаемо.

Возле входа в собор были навалены строительные леса; видимо, здесь завершались (или только начинались?) реставрационные работы. Маша прошла вдоль стены, выбеленной извёсткой, облезшей там и тут настолько, что была видна фактура кирпичной кладки. Осмотрела низко расположенные, зарешеченные окна с красно-коричневой облупленной краской по рамам. Полукруглая арка выглядела поновее и повеселее, в глубине её находилось подсобное помещение, а рядом стояла прислонённая к заржавленному козырьку высокая лестница.

– Кого-то ищите? – обратился к Маше человек с бородкой, в длинной тёмной одежде и чёрной круглой шапочке.

– Нет, – ответила Маша. – А что это за строения?

– Здесь гулять не благословляется, – серьёзно сказал юноша. Словно опасаясь встретиться с Машей глазами, он сразу же отвёл взгляд.

Маша насмешливо посмотрела на него и развернулась. Удаляясь от арки, она чувствовала, как служка, уже без тени смущения, смотрит ей в спину.

В маленькой барочной часовне рядом с Успенским собором находилась купель. Люди приближались к купели, крестились и набирали святую воду в пластиковые бутылки. К источнику подошёл незнакомый мужчина, перекрестился и с важным видом поднёс к серебряному крану бутылку из-под кока-колы. Наблюдая за простодушным дядькой, от которого к тому же разило перегаром, Маша улыбалась и прятала улыбку в край платка, серого с мелкими розовыми цветами.

У Машиной бабушки, Нины Александровны, в комнате – и в городской квартире, и на даче – имелся красный уголок: несколько икон, которые она называла семейными. Был у неё позолоченный святитель Николай, с ним бабушка разговаривала чаще всего. А ещё бумажный Спас. Старшей сестре Альке он не нравился, потому что казался ненастоящим: бабушка просто-напросто взяла репродукцию из художественного альбома, прилепила её на картонку, а по периметру на клей посадила цветную тесьму с люреksom, ту самую, которой Ираида Михайловна когда-то наставляла Алькино летнее платье. Потом бабушка отнесла бумажного Спаса

в церковь к батюшке и освятила. Получилась икона, правда, в такую икону было очень трудно поверить, но бабушке приходилось мириться: другого Спаса у неё не имелось.

Изо всех бабушкиных икон маленькой Маше больше всего любился Георгий со Змием, старинная литая табличка, даром что маленькая, зато тяжёлая. Лица Георгия совсем не было видно – может, оно стёрлось, а может, его никогда и не было, потому что остальные элементы рисунка мастер выполнил тоже весьма схематично. Однако движение руки Георгия, его конь, линия копыя, взметнувшиеся кудри, поднятый подбородок – всё говорило о силе, скрытой в маленьком человечке. Под копытами коня клубился дракон с тонкой шеей, он выглядел жалким и предвещал всаднику скорую победу. Маленькая Маша была почти влюблена в героического персонажа и приходила в бабушкину комнату специально, чтобы поглядеть на него. Вместо пустого овала Маша воображала любое лицо, иногда – прекрасное, а иногда – страшное.

Именно эту иконку Маша сохранила после переезда в Москву, а потом в Королёв – Георгий стоял на полочке в большой комнате, прямо за креслицем куклы Маруси. В Машино владение вещица попала очень просто: на бабушкиных похоронах внучка недолго думая стянула её с подставки и спрятала в своём ящике, среди белья. Нет, бабушке не удалось привить девочкам православную веру – да она и не старалась, понимая, что внучкам суждено будет учиться и жить при социализме, а может быть, даже при коммунизме. Маша просто любила эту вещь, вот и присвоила её. Мама, Ираида Михайловна, после поминок хватилась Георгия, да поздно – и потом долго сетовала на то, что на бабушкиных похоронах объявился воришка.

Среди реликвий Нины Александровны имелась икона Казанской Божьей Матери, в медном окладе. У этой Девы было треугольное тёмное лицо, изрезанное многочисленными линиями; наверное, икона пострадала во время каких-то перемещений, но сейчас все удары зажили, потемнели и стали чёрными, старыми рубцами. Икона темнела с каждым годом, и бабушка всё собиралась отнести её в ленинградский Николо-Богоявленский собор, к реставратору. Однажды зимой бабушка обернула икону в несколько слоёв газеты, вышла на улицу и села в трамвай, который шёл по Садовой почти до самого собора. Где-то впереди случилась авария или короткое замыкание на линии; Нина Александровна вышла из вагона и направилась к храму пешком, держа под мышкой драгоценный свёрток. Возле пешеходного перехода на проспекте Майорова какой-то случайный мужчина задел бабушку плечом – она неловко поскользнулась, упала и сломала руку. Так, с иконой под мышкой, Нину Александровну доставили в больницу, где ей сделали рентген и наложили гипс.

В конце восьмидесятых Нина Александровна сильно сдала. Родители Аллы и Маши давно уже расстались, мама была поглощена попытками открыть собственный бизнес, хозяйство отошло Альке и велось спустя рукава. Годы перестройки подгрести под себя бедную Нину Александровну с её слабой поджелудочной железой, требовавшей строгой и сбалансированной диеты.

Тёмную Богородицу положили к бабушке в гроб: об этом Нина Александровна попросила в каком-то письме. Доцент Иртышов сделал так, как просила бабушка, хотя бывшая жена прямо над гробом предлагала ему не дурить и выгодно продать уникальную вещь. Возможно, у неё уже имелся покупатель, но папа на похоронах так зыркнул на Ираиду Михайловну, что мама замолчала и больше не поднимала тему торговли иконами. За всю историю семьи это был, наверное, первый и единственный раз, когда Ираида Михайловна послушалась доцента Иртышова.

Справедливости ради надо сказать, что у Маши и Альки имелась и другая бабушка, мамина мама. Она умерла, когда девочки были маленькими, и Маша совсем её не помнила. Второй дедушка, мамин отец, долгое время лежал парализованный в своей пустой трёхкомнатной квартире на Васильевском острове. У него, бывшего номенклатурного работника, некогда державшего в кулаке целый район, однажды на нервной почве сильно поднялось давление, и в мозгу лопнул какой-то сосуд. Он стал совершенно беспомощным, лежал и никого не узнавал.

У его постели одна за другой менялись сиделки, и когда он умер, вся семья вздохнула спокойнее и свободнее. Квартиру на Васильевском острове сразу же сдали. Деньги, полученные от жильцов, помогли семье Иртышовых выживать в непростые перестроечные годы.

Маша теперь не сожалела о своём приезде в лавру. Казалось, она совсем уже позабыла семейную историю с Тёмной Богородицей, а сегодня вдруг вспомнила, и ей стало немного теплее и уютнее. Она лёгким сердцем бродила по дорожкам монастырского комплекса – словно бы в толпе, а словно бы и одна.

Ирку было видно издалека; высокий рост выделял её среди любой массовки. Бросались в глаза и оранжевые подсолнухи на Иркином зелёном платке, из-под которого постоянно выбивалась прядь волос цвета красного дерева – перед Новым годом Ирка долго выбирала оттенок.

Когда Маша и Ирка поднимались по лестнице храма, чтобы перед отъездом поставить свечки и написать записки, навстречу им осторожно спускались две старухи с тёмными от морщин лицами. Первая – горбатая – ступала неуверенно, полностью доверяя спутнице, на чью руку опиралась. Вторая старуха, худая и высокая, придерживала первую за предплечье.

Случайно Машин взгляд пересёкся со взглядом высокой старухи – Маша вздрогнула, словно обожглась, но пожилые женщины уже прошли мимо. Она развернулась и сбежала по ступенькам вниз.

Женщины медленно шли по дорожке.

– Фаина Теодоровна! – крикнула Маша.

Высокая женщина обернулась.

– Я Иртышова. – Маша прикоснулась к рукаву её пальто. – Младшая Иртышова. Вы у нас в Петербурге кружок танцев вели, помните? В восьмидесятых. Это ведь вы?

На худом, морщинистом лице старухи проступила неуверенная улыбка.

– Младшая Иртышова... – повторила она. – Ну конечно, помню. Аллочка и... И Манечка.

Две девочки. Большая и маленькая.

– Да, – закивала Маша. – Да, да! Алла и Маша.

– Так вы, получается... Манечка?

Она наклонилась к своей спутнице, и та повернула в Машину сторону желтоватое отёчное лицо с бледно-серыми глазами, глядящими в никуда – так, как умеют смотреть только слепые.

– Танюша, слышишь? Моя ученица Манечка. Из Петербурга.

– Манечка, – еле-еле проговорила старуха.

– Фаина Теодоровна... – Маше хотелось задержать её ещё на минуту. – Какая вы... Почти не изменились!

Когда у них в школе работал танцевальный кружок, Фаина Теодоровна была ещё нестарой женщиной, но после сорока по какой-то причине она завершила театральную карьеру и осталась будто бы не у дел. Нет, Фаина не имела отношения к балету, как та старуха в Колпачном переулке; бывшая артистка раньше играла по большей части второстепенные драматические роли в одном из театров Северной столицы. Худощавая и смуглая, она всегда зачёсывала вверх тёмные, хорошо покрашенные волосы и носила только чёрное – это был траур по мужу, тоже артисту, который умер несколько лет назад от тяжёлой болезни. В восьмидесятые Фаина вела занятия ритмикой у малышей, а полноценные шесть часов в неделю посвящала созданию собственного танцевального коллектива. Она давала частные уроки, и, похоже, никакой другой жизни, кроме преподавания, у неё тогда не было.

– Изменилась, ещё как... – Фаина Теодоровна вздохнула. – Всё уже не то. Старость, её не обманешь.

Она указала взглядом на слепую старуху:

– К сестре переехала. Теперь живу в Посаде. Одна сестра у меня осталась, остальные все умерли. Родные, друзья... Сын.

Она замешкалась на секунду и продолжила:

– Но мы живём, гуляем. В лавру, говорит, отведи меня. – Фаина кивнула в сторону сестры, потом потопталась на месте, и на её губах проступила незнакомая старческая униженная улыбка. – Вы простите, нам ещё домой добираться. Прощайте.

– До свидания, – сказала Маша с упавшим сердцем.

Она повернулась к храму и прошла несколько шагов. И вдруг её окликнули.

– Манечка! – Лицо старухи было тревожным, почти испуганным. – Совсем забыла: а Костя, Костя Герцик! Костеньку-то помнишь?

– Костя в Израиле! – Маша метнулась назад, словно ей дали ещё одну, последнюю, попытку всё вернуть и исправить. – Беэр-Шева, четверо детей. Своя пекарня – наследство получил. Пишет, что счастлив.

– Ну слава Богу! – Фаина Теодоровна перекрестилась. – Все живы. И Костенька тоже.

Старуха улыбнулась и помахала Маше рукой в варежке. Маша вдруг подумала: что бы там ни говорили, а счастье всё-таки есть, и прекрасная Фаина действительно ничуть не изменилась. Она осталась прежней, вот даже поворот головы, повторяла про себя Маша. Даже поворот головы!

За ту долгую минуту, которую Маша смотрела вслед двум удаляющимся фигурам, на небе успело появиться долгожданное солнце.

Облокотившись о деревянную, тёмно-вишнёвого цвета, столешницу, размашистым почерком она выводила имена, пытаясь уместить их на крохотном листке бумаги с крестиком, нарисованным сверху.

За здравие: отрок Пётр. Рабы Божьи: Александр, Ираида, Алла – папа, мама и сестра.

Чуть пониже: рабы Божьи Марк, Ирина, младенец Дарья – Иркина дочь, крестница, отрок Сергей – Иркин сын. Младенец Георгий, как же она могла забыть про Хомяка. И обязательно Фаина, раба Божья Фаина, – ведь не зря же они сегодня так счастливо встретились. Она вписала бы ещё и Костю Герцика, «Костеньку», но вот незадача – по всей вероятности, Костя был иудеем.

Она улыбнулась. «Манечка, Аллочка, Костенька...» Ничего себе, вот так память у старухи! И ведь были же времена, их с сестрой действительно так называли: сёстры Иртышовой, большая и маленькая.

Маша слишком широко размахнулась; внизу оставалось место только для одного имени. Она подумала и написала: «Отрок Алексей».

Чтобы добавить собственное имя, ей пришлось перевернуть бумажку и писать на обороте. Может, батюшка тоже сподобится перевернуть.

Потом они с Ирккой медленно брели мимо пёстрых и белых стен, мимо книжной лавки и трапезной, классических колонн и тщательно выписанных виноградных лоз. Нырнули в украшенный фресками арочный коридор и вышли из монастырского двора на небольшую площадь перед лаврой.

По площади гуляли несметные полчища голубей. Птицы кидались в ноги, махали крыльями, взлетали и лениво проносили над тротуаром свои тяжёлые серые тела, чтобы приземлиться где-нибудь неподалёку. Вездесущие японцы крошили голубям куски батона и, выкрикивая короткие слова, щёлкали затворами фотокамер.

Подруги подошли к стоянке. Открыли заднюю дверь Машиной «тойоты», чтоб положить в салон выпечку, купленную в монастырской трапезной. Иркины дети очень любили посадские булочки с маком.

– Ну и бардак тут у тебя! – Ирка вынырнула наружу и потрясла перед носом подруги книжкой, которую нашла в салоне на полу. – Целую библиотеку с собой возишь.

Маша взяла у Ирки потрёпанный томик. Книжка была пыльная, и, прежде чем спрятать её в карман на спинке водительского сиденья, обложку пришлось протереть влажной салфеткой.

– Никакой не бардак, – сказала она подруге. – Люблю читать в машине, когда жду кого-нибудь.

– Пять книжек одновременно?

Подруги сели в автомобиль. Маша повернула ключ зажигания, и в салоне заиграло радио – грустная джазовая композиция.

На улице давно уже стемнело, шоссе уходило под горку, в низине лежал туман, а может быть, дым – он клочками стелился по земле. На каких-то участках трассы фонари не горели вовсе, и свет встречных слепил глаза.

Дорога от Посада до Иркиного дома тоже заняла сорок пять минут, столько же, сколько обычно идёт ленинградская электричка от Финляндского вокзала до Репино.

Глава 8

...До станции Репино пригородный поезд идёт ровно сорок пять минут. Однажды вместо урока танцев маленькая Маша пришла на вокзал – и ей нужно было чётко рассчитать время поездки.

В кружок бальных танцев Маша ходила вместе со старшей сестрой, в среднюю группу.

Алька оказалась пластичной, с хорошим чувством ритма. Уже после первого года занятий Аллька стала танцевать на всех школьных концертах.

Мальчики в кружке были нарасхват. Но Аллле Фаина Теодоровна подобрала постоянного партнёра, Костю Герцика. Именно с Костей Алла выступала на районных и городским мероприятиях, занимала места на любительских конкурсах. Алла говорила, что Костя ей просто партнёр и ничего больше, но, когда техническая часть программы была полностью готова, на сцене и на репетициях Алла артистично кокетничала с ним, строила выразительные рожицы, очевидно, копируя их из фильмов и журналов.

Совсем иначе обстояло дело с Машей. На два года младше сестры, угловатая и лишённая природной плавности движений, в парных танцах она смотрелась нелепо, и Фаина Теодоровна включила её в состав небольшого ансамбля. Учительница придумала несколько авангардных номеров под музыку современных ВИА и ставила «Манечку Иртышову» в первый ряд – нельзя же было не уважить память её дедушки-академика.

Однажды Маше всё это надоело, и она просто не пришла на урок к Фаине. Вместо того чтобы дойти до Гостиного Двора и сесть там на автобус до школы, Маша спустилась в метро, с одной пересадкой доехала до Финляндского вокзала и купила билет на электричку.

«Осторожно, двери закрываются. Следующая станция – Ланская!»

Ей тогда было тринадцать, выглядела она и того младше, но ни контролёры, ни соседи по вагону, никто не осмеливался подойти к девочке в светло-серой кроличьей шубке, чтобы спросить, далеко ли этот ребёнок едет в полном одиночестве. Маша знала: при желании она может напустить на себя суровый вид, такой, что чужаки поостерегутся связываться с ней, дабы не портить себе настроение. Уверенные, резкие движения узеньких плеч, сощуренные недоверчивые глазки, глядящие исподлобья, плотно сжатые губы. Добротная одежда служила ей чем-то вроде доспехов; Маша абсолютно верно считывала взгляды случайных тёток и дядек: мало ли, кто родители этой девчонки, думали они. Лучше её не трогать.

«Что за станция такая, Дибуны или Ямская?» Каждая остановка пригородной электрички ещё на шаг приближала Машу к заветной цели. Вагоны в этот час были набиты людьми только до Шувалово; чем дальше от Ленинграда, тем меньше пассажиров входило и выходило, а значит, тем меньше глаз могли увидеть Машу, преступно сбежавшую с танцевального занятия.

Между населёнными пунктами Репино и Комарово находилась наследная дача профессора Иртышова – именно туда и сбежала Маша, пока её старшая сестра разучивала шаги квикстепа под руководством Фаины Теодоровны.

Дача была идеальным местом для побега. В первый раз ноги сами принесли сюда Машу. Девочка подошла к пригородной кассе и купила билет, пальцы её были холодными, а под ложечкой зыбко и сладко ныло. Уже с билетом в кармане Маша ещё десять долгих минут брела по вокзалу и боязливо прикидывала, ехать ей или нет.

Внезапно перед её глазами возникла распахнутая дверь вагона, и Маша, словно ныряльщик перед прыжком, зажмурилась и глубоко вдохнула сырой воздух, пропитанный креозотом. И шагнула внутрь. Потом открыла глаза и осмотрелась. Увидела перед собой ещё одну дверь, ведущую из тамбура в вагон. Эту преграду она преодолела уже без труда.

Девочка выбрала место возле окна, села и поставила на колени сумку с танцевальной одеждой. А потом мёртвой хваткой вцепилась в деревянное сиденье, чтобы вдруг не вскочить

на ноги и не убежать. Но испуг быстро прошёл; теперь в Машином животе застрекотал кузнецик. Он перебирал упругими лапками, касаясь сердца, нервов, кровеносных сосудов, самых тайных и стыдных мест, – и по телу неожиданным теплом разлилось неведомое прежде упоение и успокоение. Теперь внутри пульсировала новая, восхитительная сила, которую Маша приняла за счастье.

Это был её первый бунт. Он оказался сладким. Уже ради одного этого чувства стоило два года страдать, тянуть носок, считать шаги и придерживать за талию полную девочку из седьмого класса, с которой они попеременно разучивали партию партнёра. Стоило мучиться и тайно признаваться себе в том, что мучаешься. Беда была не в том, что Маша не умела танцевать. Нет, она как раз прекрасно умела, правда, не танцевать, а кое-что другое.

Когда Фаина Теодоровна ставила её в пару с каким-нибудь мальчиком, Маша теряла голову и впадала в панику. Дети в танцевальном классе были окружены перекрёстными взглядами друг друга и зеркалами; каждый оценивающе взирал на соседа и подмечал мельчайшие штрихи своих и чужих движений. Фаина Теодоровна специально учила юных танцоров и наблюдать за другими, и смотреть на себя со стороны, невольно создавая для Маши условия, близкие к катастрофе. Кто угодно мог разгадать Машину тайну, а разгадав – предать девочку осмеянию и позору.

Маша до ужаса, до обморока боялась прикосновений. Кто-то хитро построил подлый рефлекс в Машино естество. Проявлялся он почти всегда одинаково: девочка теряла способность говорить и заливалась краской. Грудную клетку стягивало, не хватало воздуха. Когда партнёр пытался её вести, Маша стояла столбом или резко обрывала фигуру. Ничего не объясняя, выбегала из зала.

В раздевалке дыхание постепенно выравнивалось. Хорошо, что Фаина Теодоровна разрешала девочкам без объяснений покидать комнату. Больше всего Маша боялась нечаянно засопеть своему партнёру в ухо. Или во время простого парного движения горячо и неожиданно вспотеть.

Она боялась не только балльных танцев, но и спортивных игр, и даже некоторых физкультурных упражнений, например прыжков через коня или лазания по канату. Маша не могла никому рассказать о том, что с ней происходит, – ни матери, ни тем более Альке. Альке – это совершенно точно – она не призналась бы даже за все блага мира. Судя по той лёгкости, с которой сестра кокетничала со сверстниками и даже с ровесниками отца, Алька никогда не сталкивалась с чем-то подобным. Похоже, старшая сестра только выглядела взрослой.

Дача Иртышовых стояла на улице, перпендикулярной железнодорожному полотну. По обе стороны проезда возвышались двух- и трёхэтажные дома, огороженные высокими заборами. Прямо напротив калитки дорога шла вниз, переходя в крутой спуск, который получился в результате сдвига литориновой плиты – тектонической основы древнего моря.

В доме было два этажа. На второй этаж вела лестница с перилами и тремя лестничными пролётами. Мансарду венчала остеклённая башенка с ромбовидной крышей, прозрачная, как хрустальная рюмка.

На западную половину сада выходила эркерная терраса с наборными оконцами, украшенными цветными стёклышками – синими, оранжевыми и красными. Стёклышки складывались в витражные рисунки, напоминающие листья или бутоны. Крыльцо всегда красили эмульсией с терракотовым оттенком – когда Маша была маленькой, отец подновлял его собственноручно.

Во дворе, заросшем клёнами, сиренью и яблонями, стояла шестиугольная беседка с деревянным навесом и рядом с ней – дровница. Неподалёку, в сарайчике, хранился инвентарь – грабли, лопаты, тяпки.

Строился этот дом ещё при финнах. Раньше здесь жил известный финский промышленник, владелец скорняцкого производства. Потом дачу передали во владение первому профессору Иртышову, Машиному прадеду. Прадед оставил дом дедушке, а дедушка – Машиному

папе. Отец в случайной беседе обмолвился, что на Машино восемнадцатилетие он обязательно напишет дарственную и разделит владение домом между двумя дочерьми. Отец никогда не бросался пустыми обещаниями, и Маша с самого детства считала себя здесь полноправной хозяйкой.

В Репино она приезжала уже затемно. Дорогу от станции с обеих сторон освещали фонари, и в их освещении путь к фамильному дому казался Маше новым, незнакомым и немножко страшным. Растущий по обе стороны дороги шиповник торчал из сугробов голыми тонкими проволочками. Сосны стояли окружённые краями цилиндрических белых стаканчиков. Заборы на треть, а самые низкие – наполовину уходили под снег.

Маша подходила к дому, просовывала руку в щель между калиткой и забором, и из узкого пространства между двумя кусками листового железа, выстилавшего ограждение с внутренней его стороны, доставала два ключа на колечке – от калитки и от главного входа. Запасные ключи хранились здесь всегда, на всякий случай, и знали об этом только члены семьи и соседка тётя Лида.

Маша открывала наружный замок и шла по заснеженной дорожке. Когда она приехала в первый раз, крыльцо совсем занесло, и, чтобы открыть дверь дома, пришлось лезть в сарай за лопатой.

Дом стоял пустой, словно зима оглушила его и усыпила. Казалось, он совсем забыл своих хозяев. Помещения пахли сырым деревом, пылью и – отчего-то – чужими людьми. Маше каждый раз казалось, что совсем недавно здесь был кто-то незнакомый и недобрый. Но Маша знала, как избавиться от этого ощущения. Первым делом нужно было протянуть руку к рубильнику и включить электричество. А потом несколько раз пройтись по всем комнатам и обязательно прикоснуться к вещам – книгам на стеллажах, чашкам, тарелкам, подушкам. Это были все Машины занятия во время зимних визитов: она просто ходила с этажа на этаж, сидела на крыльце, а потом закрывала двери и уезжала.

Зимой на даче отчётливо слышался каждый шаг, каждый скрип. Тревожными вздохами издали раздавались гудки поездов. Сквозь двойные рамы пробивались тонкие струйки холодного воздуха; Маша прислоняла к стеклу ладошку и ловила худенькую ледяную змейку, которая так и норовила заползти в дом через оконную щель.

В детской на втором этаже на кроватях сидели оставленные в одиночестве мягкие игрушки: зайцы, медведи и финский серо-голубой жираф – они смотрели на Машу печальными, обиженными мордами. Старые книжки с картинками, которые папа сам переплетал в толстые тома с цветными корешками, тоже хранились на даче. Их отвезли сюда, потому что обе девочки давно выросли и больше не читали волшебных сказок. Толстые, кустарно переплетённые книжки походили на фолианты из монашеской кельи, и Маша воображала себя хозяином старой библиотеки, по ночам обходящим свои владения.

Мамина спальня хранила навязчивый запах её сладковатых духов. Он пропитывал все предметы – сладко пахли и кресло, и трюмо, и подушки-думочки, и гобелен с пастушком и пастушкой, присевшими отдохнуть возле раскидистой сосны, точно такой же, как те, что росли за окном детской.

Маша обходила все комнаты, одну за другой, и только в прадедушкин кабинет она боялась заглядывать. Хозяин кабинета мог заметить беглянку и укоризненно поглядеть на неё с портрета, специально, чтобы Маше сделалось стыдно.

На поездку туда и обратно уходило три часа. Когда девочка приехала на дачу в третий раз, тайну соблюсти не удалось: её засекала соседка тётя Лида. Окна детской в доме Иртышовых выходили как раз на сторону тёти-Лидино участка.

Соседка жила в Репино даже зимой. Она слыла человеком тактичным; прежде чем потревожить Машину маму, она хорошенько проследила за окнами иртышовского дома. Потом тётя

Лида добежала до станции и позвонила в Ленинград – окончательно убедившись, что Маша всё время находилась на даче одна, без взрослых.

Дома девочку встретили во всеоружии. Если в прошлые разы Алька не заложила Машу-прогульщицу, то теперь обеим сестрам досталось от матери по первое число. Младшей – за то, что посмела самовольничать, а старшей – что не уследила за ребёнком, которого должна была опекать.

– И слышать ничего не желаю! – бушевала Ираида Михайловна. – В четверг пойдёшь к Фаине Теодоровне извиняться за прогулы. Только попробуй пропустить хотя бы одно занятие! У меня уплачено за полгода вперёд. Я тебе Рокфеллер, что ли?

Маша замолчала, погасла. После смерти бабушки они с Алькой одновременно бросили занятия музыкой, и в тот раз их демарш прошёл незамеченным. А сейчас мать была настроена решительно. Ираида Михайловна считала, что танцевальное искусство разовьёт в её дочерях мягкость, женственность и умение общаться с противоположным полом. Все перечисленные качества Ираида Михайловна ценила чрезвычайно высоко.

Ираида Михайловна выросла в семье, где степень удачливости женщины измерялась статусом, который занимал её муж. Отец Машиной матери был большим начальником в местном райкоме, и, пока этот райком не разогнали в восьмидесятых, а деда не хватил удар, жизнь Ираиды Михайловны текла легко и безоблачно. В юности мама даже ездила по райкомовской путёвке за границу, в Болгарию, и там – это была строжайшая тайна, о которой знали все вокруг, – в Ираиду Михайловну влюбился какой-то болгарский студент, но девушка ответила, как и положено было комсомолке, – отказом.

Бывшая супруга профессора Иртышова слыла очень красивой женщиной. В молодости её фигура напоминала классические песочные часы, и, когда Ираида Михайловна по случаю какого-нибудь праздника надевала силуэтное платье с открытыми плечами, все любовались её тонкой талией. В молодости Ираида Михайловна высветляла свои русые волосы в невозможный блонд, по моде семидесятых, – и укладывала в бабетту. У неё были длинные и густые ресницы; мама всегда красила их тушью, а каждую ресничку потом отдельно выводила иголкой – процесс занимал бездну времени. Маша могла долго подглядывать, стоя за полуоткрытой дверью, следить за движением иголки и рассматривать золотую розу на тубике туши.

Мамин фенотип по тайному генетическому каналу перешёл к Альке, только Алька получилась гораздо темнее матери. А вот Маша, наоборот, пошла в отцовскую породу: она взяла себе наследную мелкость черт и характерный, почти монголоидный разрез глаз. Ну и, конечно, никаких ресниц и никакой талии: стоя голая перед зеркалом в ванной, Маша была просто в отчаянии: как же так, что за несправедливость? Откуда этот плоский, почти ровный прямоугольник от плеча до бедра, где она, волшебная мамина X-хромосома?

Ираиде Михайловне вовсе не хотелось, чтобы между её дочерьми возникали ссоры, зависть или ревность, хотя она прекрасно видела, что девочки растут совершенно разными. Алька была ей близка и понятна; поведение старшей дочери никогда не вызывало у Ираиды Михайловны никаких вопросов. А вот молчаливая Маша всё чаще разочаровывала мать и раздражала. Девчонка не умела объяснять свои поступки, отводила глаза, замыкалась в себе и – вот подумайте, до чего дошло! – начала сбегать из дома! Казалось, младшая что-то скрывает, за что-то мстит, может быть, за то, что Ираида Михайловна не сумела удержать отца? А может, дурной характер был заложен в ребёнка с самого рождения? Ираида Михайловна не разбиралась в педагогических тонкостях, ей и без Маши хватало забот. Ей просто нужно было, чтобы для всех окружающих семья Иртышовых, пусть даже неполная, выглядела достойной и счастливой. Ираиде Михайловне не хотелось, чтобы люди за её спиной говорили, что, дескать, одной девочкой она занимается, а другой – нет.

У директора школы она выяснила адрес руководительницы кружка и явилась к Фаине домой. Пришла она, конечно же, без предупреждения, но Фаина Теодоровна встретила её со всем светским гостеприимством.

Дома Фаина Теодоровна ходила в красивой длинной юбке и чёрном вязаном пуловере. Внешний вид хозяйки произвёл на Ираиду Михайловну глубокое впечатление.

– Ах, – ответила ей учительница. – Это просто старая театральная привычка. Знаете, когда к тебе домой в любой момент может прийти кто угодно, даже министр...

В ответ на вопрос матери бывшая артистка сказала с абсолютной убеждённостью:

– Ваша старшая дочь очень одарённая, она могла бы профессионально заниматься танцами.

И, поймав настороженный взгляд Ираиды Михайловны, тут же исправилась:

– Хотя, возможно, у девочки есть и другие таланты.

Такой вариант матери нравился гораздо больше.

– Что же касается вашей младшей дочери... – Фаина Теодоровна подыскивала нужное слово. – Сдержанная, скромная, благородная девочка. Немного скованная. В силу возраста ей пока трудно раскрепоститься в танце.

– Но вы же педагог, – настаивала мать. – Ваша задача – увлечь ребёнка, разстрясти! Мне совершенно не нужно, чтобы одна моя дочь завидовала другой.

– Я могу трясти её сколько угодно, но... – задумчиво сказала Фаина Теодоровна, но вдруг перебила сама себя и пообещала: – Что ж, я попробую. Дайте мне немного времени.

Маша пришла в танцевальный зал после нескольких дней уговоров, и Фаина сразу же поставила её в пару с Костей Герциком, постоянным партнёром Аллы.

Алла как будто была уже в курсе происходящего. Она отдала Костю легко и щедро, даже улыбнулась Маше через плечо: дескать, не дрейфь, подруга. Уж лучше бы она вцепилась в своего парня зубами и когтями, подумала Маша. Девочке стало совершенно ясно, что мать с учительницей взялись за неё основательно и вряд ли теперь отвяжутся.

– Сегодня мы разучим особенный танец. Это будет немного свинг, немного линди-хоп, – сказала Фаина. – Его станцует любой, кто чувствует ритм. Вы можете расслабиться и не бояться делать даже самые дурацкие движения. Такие танцы сами по себе немного дурацкие, в этом и есть их прелесть.

Маша старалась слушать всё, что говорит Фаина, но сама думала только об одном: о Косте. На занятии партнёр и партнёрша стояли рядом. Маша смотрела в пол и от страха не могла поднять глаза.

Косте было четырнадцать, он с самого детства занимался настоящими бальными танцами, но что-то там у него не сложилось, и большой спорт пришлось оставить. Костя был худощавым, невысоким подростком. В зале мальчик смотрелся не ниже Альки, но, когда та вставала на каблуки, он проигрывал партнёрше несколько решающих сантиметров. С маленькой Машей дела обстояли совсем иначе, и Костя, казалось, ничуть не расстроился, что его поставили с другой, пусть даже менее опытной, партнёршей.

Он несколько раз улыбнулся Маше – снисходительно, как той показалось. Потом исправил какой-то её недочёт. От досады, неожиданно для себя самой, Маша повторила движение, и вышло хорошо. Мальчик снова улыбнулся и одобрительно кивнул. Идиот, считает меня малявкой, подумала Маша. «Ха, – злорадно повторяла она про себя, – в следующую среду я сюда точно не приду!»

Но «ужас» начался не на следующем уроке, а гораздо раньше.

– Костя и Манечка! – громко сказала учительница, когда дети уже собрались расходиться. – Задержитесь после занятия. Вы мне нужны на полчаса.

Алька подошла к Маше. Та была погружена в себя настолько, что не видела никого вокруг. Сестра легонько потрясла её за плечо.

– Я приду за тобой, – сказала она.

А потом отвела Машу в сторону и заправила ей за ухо прядь, выпавшую из причёски.

– Пока вас ещё не начали гонять, давай я тебе волосы по-новому заколю, – предложила Алька. – Наверх, как у меня. Хочешь?

– Отстань от моих волос, – нахмурилась Маша. – Я вообще их скоро обрежу.

Алька закрепила непослушную Машину прядь.

– Точно, – сказала она. – Давай вместе обрежем. И ты, и я, давай?

Маша недоверчиво посмотрела на неё и ничего не сказала. Потом повернулась к сестре спиной и с каменным выражением лица направилась туда, где её ждал Костя.

– Дети, – сказала Фаина Теодоровна, когда в зале остались только Маша и её партнёр, – я хочу сделать с вами одну штуку, которую мы в нашей группе ещё ни разу не делали. В каком-то смысле это будет хулиганство, и вы теперь мои сообщники. С чем вас и поздравляю.

Машу не слишком-то убедил тон учительницы, но она сделала вид, что внимательно слушает.

– Костя, – Фаина Теодоровна обратилась к мальчику, – это самая лёгкая партнёрша из двух старших групп. Если всё у вас пойдёт хорошо, с ней мы попробуем сделать эйр-степс и поддержку. Манечка, сколько ты весишь?

– Двадцать восемь с половиной, – буркнула Маша.

– Ого! – засмеялся Костя. – Да ты п-пушинка. Тебя ветром не сдувает?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.